

**Татьяна
Соломатина**

Естественное
убийство-3

ВИНОВАТЫЕ

Татьяна Юрьевна Соломатина
Естественное убийство
– 3. Виноватые
Серия «Естественное
убийство», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824739
Естественное убийство-3. ВИНОВАТЫЕ : роман / Татьяна
Соломатина: Яуза-пресс : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-9955-0555-6

Аннотация

Любимая женщина отказалась выйти замуж за Всеволода Северного. Но согласилась провести вместе отпуск в Балаклаве, чтобы сидеть во всех подряд ресторанчиках, бродить по крошечной набережной, кормить бездомных псов докторской колбасой до отвала, влезть на Генуэзскую крепость и, возможно, поехать в Севастополь или даже Ялту. А ещё милейшая хозяйка гостевого дома, в мансарде которого они остановились, пригласила их на свой юбилей. И никто не сможет испортить Северному отдых, даже друг в расцвете кризиса среднего возраста, прикативший «пересмотреть отношение к себе и к своей

жизни». Даже убийства в доме, полном гостей, приехавших на торжество.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	59
Глава третья	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Татьяна Соломатина

Естественное убийство

– 3. Виноватые

© Соломатина Т. Ю., 2013

© ООО «Яуза-пресс», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Нигде во всей России, – а я порядочно её изъездил по всем направлениям, – нигде я не слушал такой глубокой, полной, совершенной тишины, как в Балаклаве.

А.И. Курприн

Пролог

В один из дней сентября 1991 года судебно-медицинский эксперт Всеволод Алексеевич Северный был вызван на труп молодого мужчины, обнаруженный в полуразрушенной хибаре одной из подмосковных деревенок. Причина смерти по тем временам была крайне заурядная – огнестрел. Следовательно, не удовлетворившись полученным протоколом вскрытия, вызвал Северного в затрапезную рюмочную поговорить.

– Что думаешь? – между второй и третьей вскользь, что свидетельствовало о серьёзной озабоченности, кинул следователь.

– Ничего, кроме того, что уже написал в заключении.

– Ну а... – замялся тот на секунду. – Дополнительные соображения?

– Какие дополнительные соображения могут быть у судмедэксперта?

– Ну не прибедняйся, не прибедняйся! – заскрипел следователь.

– Ну если не прибедняться, то... – Северный прищурился и, минуточку помолчав, сказал: – *Юра Паратино вот каков: это невысокий, крепкий, просоленный и просмолённый грек, лет сорока. У него бычачья шея, тёмный цвет лица, курчавые чёрные волосы, усы, бритый подбородок квадратной формы*

с животным угибом посередине – подбородок, говорящий о страшной воле и большой жестокости, тонкие, твёрдые, энергично опускающиеся углами вниз губы.

– Какой ещё Юра Паратино?! Ты что, знаешь личность покойного?! – Следователь стал похож на борзую, почуявшую зайца.

– Нет, с «личностью покойного» я не знаком. Я процитировал тебе отрывок из повести Куприна «Листригоны». Уж очень похож покойный на Юру Паратино. С той только разницей, что наш клиент помоложе будет. Лет тридцати, плюс-минус год-другой.

– Тьфу на тебя, цитатник Мао Цзэдуна! Библиофил хренов! – тут же утратил гоночный интерес следак. – Меня очередной висяк к земле ближе гнуть будет, а он тут Куприна цитирует, – беззлобно пробурчал следователь, налил по четвёртой и, тяжело вздохнув, торжественно провозгласил: – Ну, за всё живое!

Ни малейших возражений против такого тоста Северный не имел и, чокнувшись с приятелем, выпил до дна.

Между пятой и шестой Всеволод Алексеевич узнал, что «личность покойного» так и не установлена, несмотря на все принятые положенные меры. Что домишко, где труп обнаружен местными детишками, играющими в казаков-разбойников, никому не принадлежит, потому как владеющий им дедок года два как помер, хотя БТИ не в курсе, – наследни-

ки не объявились. Никаких «базовых» отпечатков пальцев, никаких улик, вообще ничего. Труп был в новёхоньком костюме с девственно чистыми карманами, в новой рубашке, в новых носках и в новых ботинках – всё безликое и приобретенное, скорее всего, где-нибудь на рынке, причём турецком. После седьмой следак начал жаловаться на всё то, на что все мужики имеют обыкновение плакаться друг другу после седьмой, – на нищету, на начальство, на партию и правительство вкупе с текущей политэкономической обстановкой, а также на жену-недотёпу и детей-оглоедов. И возможно, стёрся бы навсегда из памяти Всеволода Алексеевича Северного неопознанный «висячий» труп, как стирались сотни других, если бы не Александр Иванович Куприн со своим Юрой Паратино.

Глава первая

Маргарита Павловна была совсем непохожа на свою тётку из «Покровских ворот». Характер не такой, чтобы «полком командовать», да и ума не «выдающегося». Напротив, нрав – хоть к ране прикладывай. А умственные способности, как она сама считала, очень средненькие, если не сказать хуже; в школе с тройки на тройку с минусом еле перебивалась, и те ставили лишь потому, что она никогда никому не доставляла никаких хлопот. Прилежная. Но способностей никаких. Совсем никаких. Ни способностей, ни стремлений. Да и прилежание не ученическое, не честолюбиво-упорное, а из серии «всем угодить». Без подобострастия, без хитрости, без далеко идущих планов. Свойство натуры такое было у девочки Маргариты – всем угодить: родителям, что назвали столь двусмысленным именем, из претенциозной Марго моментально обращаясь в простонародную Риту; учителям, завучу, директору, школьной техничке и одноклассникам, дворнику и продавщице гастронома. Девочка Марго-Рита очень удивилась бы, узнай она, что со всеми общалась «по горизонтали», как именуют уважительное, ровное и спокойное общение, без подобострастия или высокомерия в зависимости от положения в табели о рангах – растиражированного новомодного пособия по приобретению аристократизма для «новых денег», менеджеров и скучающих от без-

делья престарелых девиц.

Марго-Рита не обижалась на пакости, не таила зла. И была готова прийти на помощь вчерашнему обидчику, плюнувшему в её стакан компота, несправедливо полагая, что плюнул хулиган туда не по гнилой своей гопнической природе, а случайно и незлонамеренно. Вчера плюнул, а сегодня палец занозил, выдирая штакетину из забора, значит, занозу ему надо помочь вынуть. А что завтра он в клочья изрежет Марго-Рите её единственное пальтишко, перешитое из старого маминого лапсердака, и утащит из кармана мелочь – ну так то будет завтра. Сегодня ему плохо – и нужна помощь. А в помощи нуждающемуся отказывает только очень плохой человек.

Девочка и понятия не имела, что она – хороший человек. Но если главной красотке класса, три дня тому обсмеявшей Марго-Риту за её затасканные старые боты, сегодня нужно фигурной гладью заштопать прожжённую в фартуке дыру – она заштопает. Потому что главную красотку сперва соцприслужница, а затем и мама с бабушкой заругают. И совершенно неважно, что о благородном поступке Марго-Риты главная красотка завтра же забудет и подвергнет несчастную троечницу очередному осмеянию. Маргариту Павловну с детства отличало какое-то изначальное, не привнесённое, не индуцированное никакими религиозными институтами смирение. Впрочем, она и слова-то такого не знала – *смирение*. А религия – опиум для народа. Это всем детям великой страны

под названием СССР было отлично известно.

Странным идиопатическим смирением Марго-Риты пользовались все. Даже не замечая, что пользуются. «Ритка! Я штаны изгваздал, мамка заругает!» – кричал старший брат. И Ритка без второго слова стирала, потому что как иначе? «Ритуля, погладь мне блузку!» – командовала старшая сестра. И Ритуля гладила. «Марго! Почему полы не надраены?!» – гудел отец. И Марго скоблила и надраивала. «Маргарита! Перемой бутылки!» – кидала мама. И девочка без второго слова перемывала тридцать бутылей для закрутки яблочного компота, впрок натаскав из колодца воды. Как-то так сложилось, что самая младшая из троих детей, Марго-Рита была по определению ответственной за всё. И никто не считал это из ряда вон выходящим или неправильным. Старший на три года брат Петька был «спортсмен и талант». Старшая на полтора года сестра Светка – «умница и красавица». И только Марго-Рита была просто Риткой. Безмолвно любившей отца, прошедшего всю войну и умудрившегося выжить в штрафбате. Иногда он выпивал и даже некрепко побивал маму, ну да ему всё прощалось. Бессловесно жалевшей работающую на трёх работах не слишком нежную и ласковую маму. И благоговейно обожающей «спортсмена и таланта» Петю и «умницу и красавицу» Свету. Ритку же никто не замечал, как не замечают люди тротуар, спеша по своим ежедневным делам.

Что правда, не совсем никто. Например, её очень любил

один щенок. Она притащила его домой, и ей разрешили оставить замурзанного тощего кутёнка во дворе их маленького обшарпанного домика. Разрешили оставить безо всяких условий. Марго-Ритка была из тех, кому не нужно ставить условия. Потому что забота о ближнем своём была для неё безусловным понятием. И некоторое время никого ближе этого щенка у неё не было. А потом, когда Ритка откормила худосочного приبلудного лишенца в толстого, красивого, намытого и начёсанного пёсика, – он пропал. Хотя был очень послушным и никуда со двора не ходил. Лишь частенько день-деньской сидел у калитки, поджидая свою несравненную любимую Марго-Риту из школы, из гастронома, из «сбегай к тёте Кате за спичками!» и изо всех прочих её отлучек.

Отец тогда, казалось, впервые заметил свою младшую дочь. Она оббегала все окрестности и вернулась домой, молча размазывая по грязным щекам нескончаемыми ручейками текущие слёзы.

– Чего сырость разводишь?! – скрипуче прикрикнул родитель.

Задышающаяся от горя Ритка еле выдавила, сглатывая гортанный спазм:

– Кубик пропал.

Кубиком щенка прозвал именно папа. Сперва у прибудыша вовсе не было клички. Марго-Рита никак не могла определиться, какое громкое имя из подсмотренно-подслушанных в трофейных фильмах подходит её красавцу-собаке. Отъевшись же на всяческих помоях, кои мама приносила с одной из своих работ – в завод-ской столовке, и на Риткином пайке, тайком отжимаемом для него из её собственных скудных обедов, и ещё на толстых полёвках, водившихся в огорожке, кутёнок стал так толст и гладок, что очень коренасто смотрелся на своих рахитичных коротких лапках. Любя безоглядно только Ритку, спасённый пёсик понимал, что со всей стаей надо быть ласковым, пусть и не от такой души, как со смешной и тоже немного рахитичной коротконожкой – чело-вечьим девочкой-щенком. Большой одноногий человек, во-жак этой стаи, сегодня вроде в неплохом настроении, значит, самое время из невооружённого нейтралитета перейти если не к взаимно, то уж точно выгодной для него, собаки, симпатии. Пёс осторожно стал передвигаться в сторону Риткино-го отца, сидящего на крыльце и оглаживающего свою вечно изнаывающую от фантомных болей культю. Шажок – пови-ливание. Ещё шажок – ещё повиливание. Аккуратно. Что-бы не спугнуть благодушное настроение большого человека, не разъярить нечаянно. В глаза не смотреть! Большие гроз-ные люди этого не любят. Это Ритке можно смотреть прямо в зрачок и вертеть хвостом, как пропеллером. С большими

грозными людьми, особенно с такими странными мужчинами, лишёнными одной, а то и нескольких лап, надо очень осторожно! Личный опыт, полученный в суровом бездомном щенячем детстве, был глубоко вытатуирован у пса на подкорке. Не говоря уже о том, что большая собака, согревающая, ласкающая, защищающая, из вкусно пахнущего пуза которой струилось тёплое молоко, если вцепиться в вентиль и потоптать рядом с ним лапами, исчезла из его жизни именно после того, как подошла, повиливая хвостом, на коварный ласковый зов, к такому же без одной нижней, опирающемуся верхними лапами на две здоровенные палки. До Ритки щенок любил только ту большую собаку, дающую подогретое молоко. Впрочем, эта любовь выветрилась из его сознания куда быстрее страха перед траченными эпидемией повального отсутствия лап человеческими самцами.

Шажок – повиливание...

– Что, тварь, солнцу радуешься? – беззлобно обратился к пёсику Риткин отец. – Всякая тварь солнцу радуется, – со значением заключил он.

Мужик и сам сегодня радовался солнцу. Точнее, тому, что именно сегодня с утра боль, которую недоумки-врачи почему-то именуют фантомной, была чуть меньше адски реально, чем обыкновенно. Это был необыкновенно прекрасный день, когда водки можно было выпить почти просто так, а

не для того, чтобы заглушить разрывающее, жгущее, лишающее остатков разума, непрекращающееся страдание несуществующих семидесяти сантиметров плоти. И погромсал бы топором эту проклятую ногу, как постоянно преследовало в ночных кошмарах – сам! Сам рубил по сантиметру точной умелой плотницкой рукой, семьдесят точных взмахов остро заточенного топора на один кошмар, семьдесят эпизодов кошмарной же пыточной острой боли, парадоксально облегчающие боль, запредельно измощающую, – но нет её! Нет! Просыпаешься в поту, впиваешься ногтями в... изодранную в клочья простыню. Жена опять утром будет бурчать, что белья не напасёшься. Будет плакать. А младшая дочка Ритка, глядя на всех своими чистыми, спокойными, ясными, как море после бури, глазами, станет штопать простыню, заваривать матери иван-чай и подавать отцу вонючие папиросы. Не понимая (или понимая? Чёрт её разберёт, странная девчонка, старшие удались, а эта – последыш-поскрёбыш, случайный результат жениных слёз и его похмелья, блаженная какая-то, аж страх берёт и неуместная, не приставшая фронтовику нежность к этой замурзанной соплюхе затапливает), почему крик, за что мать оплеуху получила. Будет всех тешить бессловесной заботой, а не орать заполошно на отца, как Петька, и не фыркать истерически на мать, как Светка.

Обрадованная ласковым обращением «тварь» прилегла на брюхо и, метя пыль хвостом, подползла поближе.

– Ну иди, иди сюда, паршивец! Экий ты стал...Кубик!

Пёс подскочил и быстро, но элегантно, без глупых собачьих ужимок взлетел на крыльцо и аккуратно приземлился рядом с большим мужчиной без одной большой задней (на человеческом: «нижней») лапы. Тот потрепал его по холке. У псины хватило мудрости не напрашиваться на бóльшее. Так он и сидел неподвижно рядом с Риткиным отцом целый час. И даже выражение морды слепил правильное, мужицкое. Только сигарки на зубе не хватало для полной иллюзии посиделок двух бывалых корешков, понимающих друг друга без слов.

На крыльцо присел щенок-приблудыш, приживалка милостью девчачьей. А ровно час спустя встал с крыльца полноправный член стаи (на человеческом: «семьи») пёс Кубик, понимающий толк в солидном мужском молчании. И никаких противоречий не было в собачьей душе между безоглядной, безусловной всепоглощающей любовью к Ритке и тайной любовью-дружбой с пропахшим болезненным потом и дешёвым табаком одноногим мужиком. Ритка пахла счастьем и детством, то есть щенком, и потому была с Кубиком одной крови. Одноногий мужик пах зрелостью, уважением и какой-то опасной тайной, вызывающей и ужас, и восхищение, желание тихо скулить от страха и неизбывную потребность волчьего гена, присущего любой псине, в битве, в долгом ночном одиноком беге, в насыщении свободой.

Кубик верёвки вил из Ритки и уважительно издалека раскланивался с её отцом. Марго-Рита ни в жизнь не поверила бы, что её суровый батя Павел любит потешную дворнягу. А может, и поверила бы, потому что воспринимала в жизни всё как неизбежное. Как факт. Как необходимость – необременительную и не требующую размышлений – скоблить и драить полы, заваривать чай, вынимать занозу из чужого грязного пальца, штопать чудесный фартук главной красавицы класса, стирать Петькины штаны и гладить Светкины блузки. У этой уважительной мужской пёсьей дружбы-любви был только один минус – Кубик перестал бояться больших мужчин без лап. Иные татуировки не стоит сводить никогда.

– Искала? – помрачнев, спросил отец.

– Весь район обегала, – тихо прошипела Ритка, боясь зайти в истерику. Она не любила истерик. Слишком часто Светка устраивала истерики. Марго-Рита не понимала и боялась истерик. Она считала истерики бессмысленными, не формулируя свои чувства подобным образом. Как ничего не формулируя, всё чувствует собака.

– Понятно! – сдавленно прорычал отец. Именно прорычал, хотя не было в этом рыке ни одной буквы «р».

Через полчаса он вышел из дому, прицепив к культе ненавидимый им протез, причинявший ему немислимые страдания. Обычно отец ходил с костылями и рядом с уцелевшей

длиной ногой болталась подкрученная пустая брючина. Но сейчас надел протез. Протез и свой единственный приличный, ещё довоенный костюм. И, не сказав ни слова, вышел из дому. Ритка смотрела в окно на отцовскую спину. То, что папа вышел куда-то из дому на протезе и в костюме, очень напугало её. Она знала, какое у него сейчас лицо – хмурое, недоброе и мучительно кривящееся при каждом шаге.

Он вернулся поздно вечером и долго сидел на кухоньке, о чём-то зло переругиваясь с матерью. Ритка не спала, а только делала вид, снова и снова думая о том, что завтра ещё раз обойдёт весь район. И даже весь городишко, от «железки» до переезда, если потребуется. И обязательно найдёт Кубика. Она не понимала, о чём ругаются мать с отцом. Они почти всё время ругались. Это изначально было частью её жизни – и значит, было нормально. Странно, но она знала, что постоянно скандалившие мать с отцом на самом деле очень любят друг друга. Мать любит отца немножко сильнее, чем он её. Но отец тоже любит мать. Ритка это знала, и ей этого знания было достаточно без дополнительных объяснений. Объяснения – это доказательство. Как в теореме. В доказательстве теорем Ритка всю школьную жизнь путалась, сколько ни зубрила. Совершенно непонятно, зачем и кому пришло в голову эти дурацкие теоремы не только выдумывать, но ещё и доказывать! Доказывать выдумки – в этом деле были сильны главная красавица класса и старшая сестра Светка, но никак не Марго-Рита. Вот аксиому она ещё могла ху-

до-бедно заучить наизусть, аксиомы были не так мучительны, как теоремы. И вообще аксиомы – это то, что знаешь откуда-то сразу. Вот как про любовь матери и отца. Сразу всё знаешь про любовь – и этого достаточно. Потому Ритка не прислушивалась, а лежала наедине со своими мыслями о Кубике и только раз отвлеклась на слишком резкое и громкое отцовское «убью!». Это не напугало Ритку. Отец часто говорил матери: «Убью!» – но ещё ни разу не убил. Так что девочка снова задумалась о своём горе. И странное ощущение посетило Марго-Риту... Попроси кто её сформулировать – она бы и не поняла, чего от неё хотят. Она и слова-то такого не знала – «сформулировать». Очередную треклятую формулу на доске мелом нацарапать, мучительно копаясь в памяти и стгорая от стеснения под снисходительным взглядом учительницы и насмешливое хмыканье главной красавицы (да ещё и умницы!) класса? Но тогда, ночью, маленькая Рита, пребывая в страшной тревоге, вдруг ощутила, что человек чаще счастлив, чем несчастлив. Разве это не счастье – играть со щенком? Но когда ты играешь со щенком, ты просто играешь со щенком, не понимая того, что это – счастье. А когда щенок пропадает, ты несчастлив. И понимаешь это. Поэтому отныне она, Маргарита, играя со щенком, будет так же сильно радоваться, как теперь, когда он пропал, грустит. И счастья в её жизни будет куда больше, чем несчастья. Девочка решила всегда радоваться всему хорошему или даже просто неплохому. Приняла решение *понимать счастье*. И

стараться не грустить, пока не сделано всё для того, чтобы плохое или нехорошее было исправлено. И надо отдать ей должное: всю свою взрослую жизнь она так и поступала.

Но тогда, несмотря на снизошедшее ощущение, ей всё равно было очень плохо, и очень горько, и ещё – очень обидно. Даже взрослые люди частенько ведут себя, как дети. Что уж говорить о маленькой девочке?.. «Неужели Кубик меня бросил?» – думала она примерно один раз на сотню мыслей о том, что с ним и как он, куда он мог деться, её ненаглядный Кубик. Детское горе настолько же сильнее взрослого, насколько огромнее для детей мир, зеленее трава, выше дома и деревья. Картонная коробка силой детской фантазии преобразуется в замок со сводами, огромными залами и населяется рыцарями и прекрасными дамами. О том, что такое для ребёнка потеря любимого и любящего щенка, лучше даже не представлять. Впрочем, любой «недоумок-врач» скажет – и скажет правду: ампутация конечности в детском возрасте не вызывает адских фантомных болей впоследствии. Потому что память нервных окончаний детская же, короткая. Нет долгого опыта – нет знаний. Нет знаний – нет печали. Только что-то такое... болезненно неуловимое, восприятие себя «не таким», но без мук осознания. Без преисподней ясного понимания потери.

На следующий день отец застрелил соседа.

Пришёл к соседу. Застрелил его из охотничьего ружья.

Перезарядил. И сам застрелился. Вернувшись с работы жена соседа подняла заполошный вой. Пока бегали до телефона, пока вызывали милицию. Милиция констатировала факт бытовухи. По пьянке. Никто не виноват. В смысле, из оставшихся в живых. И чего они не поделили? Нервные они, эти послевоенные инвалиды. Подумаешь, у одного левой ноги нет, у другого – правой. Маресьев вон без двух ног вальсирует, а эти... Ни силы, ни воли. Тьфу, одним словом. Забот, что ли, у милиции мало? Их, покойничков, дело. Закопанное. Похороненное.

Улица, район, да и весь городок шумели: рядили, гадали, сплетничали. На это времени и сил у людей всегда с запасом. Даже когда нечего есть и портков на всю семью не хватает. Любопытство – один из главных человеческих пороков. Животных, вроде собак, впрочем, тоже. А и действительно, как тут не интересничать? Чего вдруг? Прежде-то у соседей были вполне мирные отношения. Здоровались. Соль-спички-дрова. Выпивали иногда вместе. Особенно на День Победы и всякие прочие красные дни календаря. И вдруг – на тебе! Не иначе – допились. Соседка показала, что отец Риткин заходил накануне. Чего-то с мужем её пил-рядил. Поскандалил немного. О чём? Она не слышала. Мужики часто спорили. Особенно после третьего стакана самогона. Потому что у соседа ордена-медали были, а у Риткиного отца – нет. Штрафбат. В общем, кто больше герой войны. Потом всегда мирились. Никто и внимания давно не обращал.

Соседи были пришлые. Из Архангельска. Риткин отец тутошний, от веку подмосковный. Вдовы ещё и в день похорон страшно пособачились. Риткина мать интересовалась, откуда у соседки вечером, в канун стрельбы, было мясное жаркое, что Риткин отец жрать отказался. И о чём говорили мой с твоим, разве не припоминаешь, сучка?! Так откуда, если мяса сейчас днём с огнём во всей области не достать? И не её ли, соседкин, мужик, не раз и не два останавливаясь у их калитки, рассказывал, как у них на Севере вкусно собак готовят, поглядывая на дочкиного округлившегося щенка, весь исходя слюной?

Баб разливали водой.

Светка проорала Ритке, что отец из-за неё стал убийцей и сам себя убил. А это – смертный грех и теперь из-за Ритки гореть папке в аду! В каком аду? Нет ада и рая, это всем октябрятам, пионерам и комсомольцам известно. Нет, потому что бога нет. И ещё Светка кричала Ритке: «Будь ты проклята!»

Брат Петька дал Светке пощёчину, после чего она долго рыдала, демонстративно прижимая к полыхающей ланите алюминиевую кружку.

Ритка подавала на поминальный стол. Мать и соседка уже обнимались и плакали. Петька был не похож на «спортсмена и таланта», а был мрачен и хмур. Светка не была «умницей и красавицей», а, настрадавшись вволю, верещала пуще обычного, тыча острым подбородочком в бессловесную

Ритку. Когда все утихомирились, Ритка вышла на крыльцо и просидела всю ночь, тупо уставившись в звёздное небо. По щекам её лились тихие слёзы. Но она их не замечала. Очнулась Ритка, когда звёзды стали гаснуть. Через пару дней сильно заболела. Врач сказал: от стресса и переохлаждения. Болела с месяц. В бреду искала Кубика и просила отца не убивать себя из-за неё.

Марго-Рита не обладала способностью анализировать факты и делать выводы. Она выжила. И продолжила жить, как жила, имея в душе две непреходящие раны – пропала любимая собака, отец застрелился из-за неё, Ритки. Правда, кое-что, как ей ни было стыдно, её обрадовало. Светка кричала, что отец Ритку любил больше всех. Надо же! Марго-Рита об этом понятия не имела. И на какое-то мгновение в её чистой душе даже подняла голову небольшая гордынька. Подняла и тут же снова опустилась, уступив место всепоглощающему горю, с которым уже ничего нельзя поделать и которое уже никак нельзя исправить, а можно лишь пережить. И предметом этого окончательного горя был, как это ни стыдно самой Ритке, не отец, как это и положено выверенными протоколами приоритетов людских скорбей, а именно пропавший щенок-подросток Кубик. Выздоровев, Ритка почему-то поняла, что Кубик уже никогда не вернётся и что даже имени его... клички, в смысле... упоминать вслух при домашних не стоит. Искать его нужно тайно. Нужно – при всей очевидной бессмысленности поисков. Надо искать, точ-

но зная, что он никогда не найдётся. Искать Кубика, чтобы даже в невозможности его найти быть счастливее, чем в несчастном знании о том, что он никогда не найдётся. Только так она сможет пережить окончательное горе, чтобы снова больше радоваться, чем грустить. Так она решила, эта маленькая, глупая, безотказная, смиренная троечница.

Всю жизнь она искала Кубика в каждой собаке. Иногда даже находила.

«Спортсмен и талант» Петька укатил с Москву и поступил в институт.

«Умница и красавица» Светка оказалась не такой уж и умницей. Тоже укатила в Москву, провалилась в театральный институт, пошла работать на какой-то завод и быстро вышла замуж, потому что красавицей всё-таки была.

Мать тоже вышла замуж. Внезапно и удивительно вышла замуж за мужика со всеми конечностями и моложе себя. Светке было в кого пойти красавицей. Ритка вышла и лицом, и статью – в отца. Мужчине – нормально. А коренастой женщине с крупными чертами лица да без особых талантов на многое в этой жизни рассчитывать не стоит. Так говорила сестра Светка, за что неизменно достаивалась плюхи от брата Петьки.

Счастливая и помолодевшая мать, прихватив Ритку, укатила с новым мужем в Казахстан покорять целину. Школу Ритка окончила уже там, оставаясь всё такой же бессловес-

ной, смиренной и прилежной. С материным мужем у неё были прекрасные отношения. Он был очень хорошим человеком. И мать родила ему красивого здоровенького бутуза. Ритка с удовольствием нянчила младшего братика. Назвали его Павлом. Новый материн муж не возражал. А у Ритки теперь было два брата – старший Пётр Павлович и младший Павел Петрович. Взрослый и серьёзный Пётр Павлович жил в красивой большой Москве. Маленький, похожий на щенка Кубика, толстенький и чуть кривоногий Павел Петрович рос у обожающей его Ритки на руках. Потому что мать вскоре после родов умерла. Вроде как что-то с сердцем. Ослабела внезапно, родив четвёртого ребёнка, да так и угасла, хотя никто не ожидал: такой помолодевшей и счастливой она последнее время казалась. Марго-Рита осталась жить с отчимом и с удовольствием растила Пашку. «Ой какая молодая мама! От какого цыгана в подоле принесла?!» – говорили Ритке иногда прохожие, когда она прогуливалась с братиком, младшим её на четырнадцать лет. Учиться стало и во все некогда.

Об институте для Ритки и речи не шло со сплошными-то тройками в аттестате зрелости. Окончила заштатный кулинарный техникум по специальности «повар-кондитер» – вот и всё образование. Замуж вышла. Не так чтобы по большой и красивой любви, а потому что уже время подошло – двадцать один год. Ещё чуть-чуть – и перестарок...

Сколько они с Василием Николаевичем уже вместе живут? В 1967 году расписались. Ну да, Пашке как раз тогда семь лет исполнилось... Неужели уже сорок четыре года они с мужем прожили? Вроде и жизнь длинная, большая... а как один короткий день пролетела. Столько дел, столько событий – значительных и с виду неважных, а как один-единственный день. Страны разваливались, гражданства менялись. Всё время что-то происходило... Нервы, волнения, радости, горести – стоящие и нестоящие. Праздники и будни. А утром проснулся – как будто и не было ничего до этого дня. Оглянешься – огромное поле позади. Где паханое, где – запущенное. Огромные степи прошедших времён. Большею частью – так и неподнятые целины. С чем-то уже никогда и ничего нельзя сделать. Ничего нельзя исправить. Но встряхнувшись, посмотрел вперёд – и как и не было вчерашнего. Как там внук Санька называет этих... пожирателей времени? Лонгольеры, что ли? Читает и смотрит всякую муть. А ей некогда. Сейчас душ, кофе, в церквушку забежит – и в Севастополь по делам надо ехать. По срочным, неотложным. Все дела неотложные. Осенью уже шестьдесят пять. Вся родня соберётся. А какой тут юбилей, если ещё сезон? Неуместный. Но – надо! Банкет будет больше обычного. И хоть бы с комфортом разместить всю ту родню. Успеет ли она дооборудовать новое здание? Шестьдесят пять – и всё дела, дела, дела... И никто, кроме неё... Алёшка, сын, требует, чтобы она на него всю собственность переписала. Она не против. Но из

Алексея Васильевича хозяин никакой, признаться честно – весь в отца. Да и не он этого требует, если разобраться. Лёшка художник: ему не до хозяйства, он весь в эмпириях парит. А вот жена его новая, молодая – у той руки чешутся. Особенно с тех пор, как Маргарита Павловна яхту приобрела. Да ладно бы хозяйство к рукам прибрать – Маргарита Павловна не возражала бы. Лизанька хочет к рукам деньги прибрать. А кто в двадцать два года денег не хочет? Все хотят... Тут понять Лизаньку можно. Но в двадцать два ещё не понимают, что деньги надо вкладывать в дело, а не в машины-сумочки-платья и побрякушки. Маргарита Павловна Лизаньку в прошлый сезон пригласила к себе, в гостевой дом, чтобы посмотреть, как девочка работает. А девочка и не работала совсем. Спала до полудня. Массажиста в номер вызывала. Хныкала, что пляж здесь никакой, другое дело на Фиоленте или в Ялте! Никто и не против такого образа жизни Лизаньки. Пусть отдыхает, пока молодая и возможность есть. Но ни Лёшке, ни Лизаньке это хозяйство не оставишь: сразу развалится. Им же самим тогда жить не на что будет. А так-то Лизанька хорошая. Уж как Светлана Павловна злословила, когда Лёшка на ней женился! Светка, правда, и первую Лёшкину жену не любила. Но Светка вообще мало кого любит. Себя она любит. И мужчин. Последний раз замуж вышла в шестьдесят за мужчину на десять лет её моложе. А Лёшку, всего лишь сорокачетырёхлетнего, уж как высмеивала, что он на Лизаньке женился. Но Лёшка-то мужчина – ему не грех!

А Светка всё-таки женщина. Помолчала бы, а она – высмеивать. Молчать Светка никогда не умела. А Лёшка – за себя постоять. Вот уж тогда Светка с Лизанькой сцепились... Правду говорят: что старый – что малый. Главное, Светке такое не говорить. Добром не кончится. Или Лизаньку в старые запишет... Светка – бог с ней. Плохо, что Лизанька с Санькой общего языка не нашли. Неудивительно. Между ними всего двенадцать лет разницы. Никто от неё и не требует, конечно же, быть ему матерью. У Саньки прекрасная мать. Но Лизанька могла бы не так явно раздражаться, не так уж часто они с Санькой пересекаются. Да и внук любимый мог бы поменьше папиной жене хамить. Лизаньку вслед за Санькой уже все называют папиной дурой. Ну куда это годится?! Он, Санька, конечно же, умный. Всё читает, читает. Парень из-за книг ослепнет скоро! Но не все люди одинаковые. Уж как Маргарита Павловна ни старалась мальчишке объяснить – ни в какую. «Я, – говорила она ему, – тоже книг не читала и не читаю. Ты же меня не оскорбляешь!» – «Ты, бабушка, – отвечал сорванец, – хорошая. А она – плохая!» Ну кому папина новая жена хорошей будет? Но всё равно, грубости это не оправдывает. От Лёшки в налаживании отношений толку никакого. Как приезжает – так и засаживается с отцом в шахматы играть да водочку попивать. Такие уж у них характеры... Зачем Лизаньке её Лёшка? Лизанька красивая, молодая. А Лёшка в свои сорок четыре мог бы и получше выглядеть, да и деньги какие-никакие зарабатывать. Не покупают

картины – займись чем-нибудь другим. Пиши себе на здоровье, коли бог талант дал, но работать куда-нибудь устройся. Маргарита Павловна как-то попросила Лёшку залы ресторана расписать пейзажами, заплатить предлагала. Так он раскричался: мол, что он, совсем скотина – с матери деньги брать?! Так денег и не взял. И залы ресторана пейзажами не расписал. Пока, во всяком случае. Два года уже всё только собирается... Да что она тут сама с собой сплетничает, близким людям кости перемывает! Вставать пора!

Маргарита Павловна проснулась давно. В последнее время её часто мучила бессонница. Не мучила. Оборот речи просто. Не спалось – и всё. Сидела на балконе, смотрела на бухту. Думала о жизни. Вспоминала скорее... Сентябрь уже на носу, надо бы подсуетиться с сантехникой-отделкой-обстановкой. Семья каждый год приезжает к ней на день рождения. И каждый год семья всё больше. Другой, менее смиренный, нежели Маргарита Павловна, человек подумал бы, что близкие родственники, родственники родственников, друзья-приятели и знакомые двоюродных племянников и каких-то совсем уж не поддающихся кровному и некровному родству людей приезжают в Крым на бархатный сезон. Кто на две недели, кто на три, а кто и на месяц. День рождения-то – ровно день. И дочь от второго брака первого мужа её старшей сестры Светланы Павловны ей, Маргарите, вроде как и вовсе никаким боком не родня, чтобы к ней на день

рождения прилетать из Москвы и месяц тут, в Балаклаве, торчать на всём готовом и бесплатном. Но то – другой. Маргарита Павловна же только радовалась, что огромная куча народу под общим названием «родственники» слетается к ней в сентябре. Любят. Уважают. Что ещё пожилому человеку надо? Разве иногда мелькала у неё нехорошая мысль: как хорошо, что угораздило её в сентябре родиться, а не в июне-июле-августе, в разгар сезона. Жаль, правда, что не в феврале, когда Балаклава, да и весь Крым пусты и безвидны. Но она немедленно гнала от себя эти недостойные мысли, потому что, став владелицей успешного гостиничного бизнеса, осталась всё той же смиренной доброй Риткой, каким бы это противоречивым ни казалось со стороны. А сама Маргарита Павловна об этом не задумывалась. Мысли её были просты и полны прилежания: пальмы обернуть, если зима холодная; строителей найти непьющих и рукастых; кухарку, умеющую вкусно готовить, ублажить; шофёры – чтобы не напивались; прикормленные таксисты – чтобы с клиентов не драли больше положенного; горничные – чтобы старательные; чтобы постояльцам комфорт.

Никогда она не нервничала, не раздражалась на одни и те же Светкины и Петькины разговоры о том, что эта бесталанная, безгласная Ритка круче всех выбилась; кто бы мог подумать! И предположить никто не мог, что жизнь её – бездарную серую Ритку – так полюбит и белым лебедем для неё обернётся. Что отчим окажется не то караимом, не то греком

и свой, отбитый у властей кусочек земли завещает Ритке, а не родному сыну Пашке. Ну а как ему было родному сыну Пашке что-то завещать, если Пашка в восемнадцать лет ноги в руки – и в Москву. И ни слуху ни духу. Пару писем написал: мол, поступил в Плехановку – учился-то мальчишка отменно, в цифрах соображал – и молчок. Ни разу домой на побывку не приехал. Где-то понять можно: с отцом у него после Риткиного замужества отношения не заладились. Мальчик был с характером. И отчим Риткин после смерти матери таким стал, что ой! Ни с того ни с сего вдолбил себе в голову, что жена его обожаемая первого мужа больше любила, даже их общего сына в честь покойника назвала. Зло срывал, понятно, на Пашке. Пока Рита с ними жила, ещё ничего, всё сглаживала, всех жалела. А как замуж вышла... Вот Пашка, как подросток, в Москву и усвистел с концами. Уж как Маргарита Павловна младшего брата искала – и не передать. Вину чувствовала, как за недосмотренного щенка Кубика. Бросила семилетнего пацанёнка. Вроде как и не совсем – постоянно у них с Василием Николаевичем в семейной общаге торчал. А как Лёшка родился и им квартиру дали – Пашке тринадцать лет стукнуло, – она меньше внимания на него стала обращать. Учился Пашка хорошо, а что с отцом собачился – так подросток без матери, учится – и слава богу. Всё равно её вина, недоглядела. Надеялась Маргарита Павловна, что бродит где-то по земле Павел Петрович и всё у него хорошо, и рано или поздно найдёт она его. Или он её. Всё одно – она

виновата! Поздно искать кинулась на самом-то деле. Когда отчим помер в той самой палате реанимации, куда наказал вызвать нотариуса и записал на Ритку свой земельный надел в Крыму. Это Пашке уже тридцатник был. С отъезда двенадцать лет прошло. Маргарита Павловна в Москву поехала, в справочной была, в деканате Плехановки. В справочной – ничего. В деканате пожилая инспекторша какие-то бумаги разыскала по фамилии-имени-отчеству. Действительно, был такой студент – Павел Петрович Левентов. Ленинский стипендиат. Был. Окончил с отличием. Распределён на крупный московский завод, вроде как женат на москвичке был, и даже ребёнок имелся. Маргарита Павловна в милицию обратилась. Долго отсылали туда-сюда, в конце концов внимательно выслушали, но разыскивать не стали. Специально разыскивать законных оснований, простите, не имеется. Да ну что вы нам его фотографию суёте? Мы что, все архивы должны прошерстить, имея на руках фотографию восемнадцатилетнего пацана, о котором вы столько лет не вспоминали? Не хочет с вами дела ваш единокровный брат иметь. Мы-то тут при чём? Заявление о пропавшем подать? На каком основании? Заявление надо было подавать по месту его жительства, когда ваша связь с ним оборвалась. Он, может, фамилию сменил, да и всю биографию. Вы в курсе, что в стране творилось и творится, или на другой планете обитаете? Вы, извините-простите, поздно кинулись. Нет повода и причины, да и недосуг в базах рыться посреди того, что, как говорится,

совершается дома. И без вашей ерунды дай бог не впасть в отчаяние. Хитросплетения семейных саг – это не к нам, а к сценаристам мыльных опер.

Вернулась тогда Маргарита Павловна домой и сказала Василию Николаевичу чемоданы паковать. Нечего им больше в Казахстане делать.

– В Россию? – спросил муж.

– В Крым! – уверенно ответила она.

Никто не ожидал, что Марго-Рита не захочет вернуть себе российское гражданство и возвратиться в Москву или Подмосковье, а поедет сюда, в Крым, станет громадянкой Нэзалэжной, что так – по меркам родни – разбогатеет. Опять же другая на месте Маргариты Павловны, бия себя кулаками в грудь, рассказала бы родственничкам, чего всё это стоило – имея в качестве стартового капитала лишь крохотный кусочек земли в крымских степях, стать владелицей гостиничного бизнеса у самого синего моря. Не такого большого, но крепкого и доходного, постоянно расширяющегося. Другая разогнала бы всю эту кодлу к чертям собачьим, плюнув им вслед. Другая. Но не прилежная Ритка, вложившая всё – и бесконечную работу, и безмерное терпение, и сердце, и душу, и, разумеется, деньги – в свой небольшой трёхэтажный гостевой дом, плюс парочку отдельно стоящих коттеджей, плюс прогулочную яхту, плюс катамаран, плюс раз-

нообразный туристический сервис, плюс текущую стройку пятиэтажного особняка. Она, казалось, вовсе не замечала завистливых разговоров за спиной. Живя так, как будто всё ещё скоблит и надраивает полы, стирает штаны, гладит блузки и так далее, и так далее, и так далее. Маргарита Павловна была самозабвенной трудягой.

Она даже не понимала, над чем смеётся Василий Николаевич.

– Ты знаешь, как тебя тут называют все, включая твою собственную кухарку? – как-то однажды, от души хохоча, сказал ей вечно слегка хмельной, совершенно последние двадцать лет бездельный, но в сущности беззлобный и даже добродушный муж, частенько шляющийся от скуки по любовно обихаживаемой Маргаритой Павловной территории.

– Как? – ровно спросила Маргарита Павловна, перевешивая за горничной полотенца в номере правильно, «по-европейски».

– Казашка Маргарита!

– Ну и что? – не меняя тона, не удивилась она, разглаживая покрывало на кровати. – Я и есть казашка Маргарита. Я – из Казахстана. Из Казахстана – значит, казашка. Люди просты. Я сама простая. – Улыбнулась она своему Васе. – Иди, родной, на кухню. Поешь, выпей рюмку-другую... В этом коттедже что-то со щитком-распределителем. Мне ещё надо электрика вызвать.

Получая разрешение на «выпить рюмку-другую», муж приходил в прекрасное расположение духа и уносился болтать с кухаркой. И тут же переставал испытывать лёгкую мимолётную неловкость от того, что о щитке-распределителе думает женщина. Ритка не женщина, а жена! Это её дело – вот пусть и думает.

На самом деле всё Маргарита Павловна знала. И что она «казашка Маргарита», и что «слишком набожная». И что её кухарка в несезон пьёт не по-детски и сплетничает о ней с редкими постояльцами, а в сезон держится изо всех сил, позволяя себе только стакан перед сном, потому что работу потеряет. А тут работу не так легко найти. Впрочем, как и такую отличную кухарку; стол в гостевом доме Маргариты Павловны был преотменный. Кухарка такое выкаблучивала, что не во всех французских-итальянских ресторациях сыщешь! К её кухарке с тутошних олигархических яхт являлись за рецептами, раз отобедав в заведении у Маргариты Павловны. Кухарка не жадничала, делилась секретами щедро. Даже мастер-классы, как это нынче называют, давала. Ей только в кайф, чтобы на благодарную публику поработать да под болтовню! Маргарита Павловна и из этого бизнес сделала. Богатые, не слишком давно, но слишком сильно оторвавшиеся от народа, страсть как полюбили экзотику в виде простонародной сухопарой бабы, у которой язык, что жало, а она ещё и в современном новомодном высокотехнологичном

дизайн-интерьере деваляи перед аудиторией отчебучивает. Или не экзотика это для них, а напротив – ностальгия по собственным ушедшим в небытие бабушкам? Кто разберёт? Ходят – и отлично. И кухарке удовольствия море, и Маргарите Павловне в казну приход. В прошлом году её Фёдоровна звездой сезона была. Потом в паре-тройке телевизионных кулинарных шоу девицы «из телевизора», тут побывавшие, Ритиной кухарки творения преподавали как «старинный уэльский рецепт», а той – только в радость. Усядутся с Василием Николаевичем под плазменной, во всю стену панелью в пустынном зимой зале ресторана да под бутылочку на всех этих Юлий, Анн и прочих «пристроенных тёлочек» (кухаркин жаргон), любуясь, злословят по-доброму. В этом году кухарка на камбалиный гон три «концерта» дала; так один бородатый мужик, автор модных кулинарных книг, специально из Москвы прилетал. У кухарки уже целая полка на кухне с автографами: «Фёдоровне с преклонением перед кулинарным гением от С...», «Фёдоровне с неизменным восхищением, благодарная В...», «Фёдоровне с любовью, страстно обожающий её З...», «Где я только не бывал, и что я только не едал, но ваш Непревзойдённый Луфарик, Фёдоровна, навсегда в моём сердце! Ваш до гроба М...», «Фёдоровна, спасибо за вдохновение, всегда твоя Б...» – ну и так далее. Это же надо видеть, как она вечерком «в сезон», глотнув свою дозволенную порцию алкоголя, хвастается теми автографами задержавшимся за полночь в ресторане постояль-

цам эдак небрежно, походя, как бы между делом, матерински-нежно приговаривая: «Ну, вот этот рецепт они там, в своих книженциях, испаскудили, мерзавцы!» – это отдельная прелесть что такое! (Хотя никто никогда не видел, чтобы Фёдоровна в те рецептурные книги заглядывала во время готовки. Ни в те, с автографами, ни в какие другие.) Хвастается – и от щедрот душевных, переполняющих, изливает на полуночников «комплименты от шеф-повара». На ноябрьскую от Фёдоровны «макрель на шкаре» специально слетались все кулинарные селебрити и хохотали, выпивая в рыбном чаду и нахваливая мастерицу. А та только довольню ворчала про давно забытые печи и глиняную черепицу и про что-то ещё, тоже давным-давно утраченное.

Маргарита Павловна только радовалась: сырьё на три копейки, а рекламы в виде «сарафанного радио» (на посетительских радостях) – на несоизмеримо превышающую затраты сумму. Ну и «весенний шик от Фёдоровны» – зелёный борщ (тот, что в России – «щавелевый суп» – ух, как кухарку выводил из себя этот «суп»)! Ну, понятно, уха – во всех её тысяча и одной разновидности. Но зелёный борщ по весне... Кстати, действительно, Фёдоровна готовила лучше, чем признанные, все в иностранных звёздах, глянцевого книг и рейтинговых отечественных фуд-телешоу повара. Всё то же, всё так же: у кухарки – любовь, у тех же просто техничный качественный секс. Поварское слово Фёдоровна знает... Так что пусть выпивает (хотя иногда зимой они с Васькой на пару

набираются до состояния ниц). Пусть сплетничает. Куда она без этой кухарки, если давно на всех меню золотое тиснение «Кухня Фёдоровны»?

В курсе была хозяйка гостевого дома, что ненавидят её таксисты – все, как один, мужья горничных. Все, как один, отставники. Все, как один, с утра до ночи жалующиеся на жизнь не только друг другу, жёнам и самой Маргарите Павловне, но и постояльцам. Как заберут кого из аэропорта в Симферополе, так всю дорогу до Балаклавы и рассказывают, как тут плохо, а там, «у них, в Москве» – хорошо. Не раз и не два уже жаловались ей постоянные клиенты на то, что в услугу «трансфер» двухчасовая непрерывная речь извозчика не входит. Не раз и не два уже просила она таксистов помалкивать. Без радиоволн с жуткой попсой или шансоном, просто везти, доставлять. Разговоры разговаривать, только если клиент сам беседовать изволит. Как этим болтунам-отставникам не надоедает сотни раз повторять одну и ту же историю о том, что в 1997 году ему давали квартиру в Балаклаве, но маленькую, а он хотел в Севастополе, но большую. Теперь не той и не другой, вот так и живи с тещей, тестем, а те на тот свет никак не торопятся, хотя внукам уже по двадцать пять лет. И что горничные подворывают по мини-барам, а не все клиенты утруждают себя проверкой счетов – знала. Так у постояльцев не воруют, и слава богу. А вот по мини-барам шарят. Потому что пьют. И пьют тут практически все – и продавщицы в магазинчиках на на-

бережной, и тётки, из года в год торгующие одними и теми же тельняшками, можжевеловыми безделушками и жилетками из овчины. Пьют официантки, и таксисты тоже пьют. Потому на опцию «трансфер» у Маргариты Павловны всегда в резерве есть фамилия-другая и пара-тройка номеров телефончиков. Случалось, правда, что все – и тот, кто в смене «играет», и «запасные» – нахлёстывались в умат. Особенно в несезон. Тогда она сама, ножками, бегала до аптеки, хорошо там, на площади, всегда есть таксисты. И доплачивала им сама, потому что гостиничный трансфер был дешевле тех цен, что заламывали весь день тоскующие «одиночки с мотором». Однажды чуть было не уволила штатного шофёра. Так горничная, жена его, в ноги Маргарите Павловне кидалась, жаловалась, что детям малым – тринадцати и девятнадцати лет – есть нечего. Оставила. Потому что она, Маргарита Павловна, всегда всех понимала, всех жалела, всех кормила, в положение всех входила и не делала из этого никакого подвига и в ранг благодетельницы для всех этих людей себя не возводила. А они злословили за её спиной. Всё не уставая считать и пересчитывать, что у неё да откуда. То и оттуда. Труд и от труда. Ежедневный труд и от ежедневного труда. Скоблить, надраивать, стирать, гладить. Как и всю жизнь. Не было в её гостевом доме такого места, куда сама Маргарита Павловна не могла бы встать при надобности. И к плите, если кухарка совсем в ауте. И за руль – если шофёр в отключке, а такси не нашлось. И двор подмести, если дворник саботи-

рует по той же алкоголической причине. И цветы посадить – это она вообще сама любила. В общем-то, думать и вспоминать некогда, кроме бессонных ночей. Хотя сегодня ночью она так и не придумала, куда поселит на свой день рождения старшую сестру Свету.

Светка любила останавливаться в мансарде. Поэтому на сентябрь Маргарита Павловна мансарду ни за кем не резервировала. Но её постоянный и любимый клиент, останавливающийся тут чуть не с момента открытия гостевого дома, причём именно в мансарде, забронировал номер на весь сентябрь. Всегда приезжал в феврале. На неделю, максимум на две. Отчего это ему вдруг в сентябре захотелось? Она спросила, не подойдёт ли ему коттедж с камином, а он сказал, что, мол, человек привычки. И раз уж даже в феврале без камина обходится, то в сентябре и подавно не замёрзнет.

Постоялец этот Маргарите Павловне очень нравился. Глядя на него, она представляла себе, как хорошо бы было, если бы её родной сын походил на этого славного парня. Но тут же гасила в себе эти фантазии, потому что любила своего единственного отпрыска, каким уродился. А уродился он в Василия Николаевича лениво-равнодушно-благостным со слезоточивой приправой мамино-Светкиной истеричности. Она гасила в себе подобные размышления как постыдные и недостойные. Ей просто нравился постоялец. Без сравнений.

Впрочем, Маргарита Павловна видела паспорт «этого славного парня»: в феврале на ресепшене сидела она сама.

Не годится он ей в сыновья, хотя на вид моложе её сына. А на самом деле её сын на шесть лет любимого постояльца моложе. И значит, ровесник младшего брата Пашки, по её в том числе вине потерянного для семьи. И представляла она себе, что всё у Павла Петровича хорошо. Как у этого февральского постояльца. Разве может быть иначе? И тут же гнала от себя и эти представления тоже. Фантазии мешают работе.

Первый раз этот обаятельный москвич появился тут пять лет назад – как раз в год открытия гостевого дома. Ещё не было такого уютного садика и вылизанного дворика, сервис был похуже, строений поменьше, и большого здания ещё и в проекте не было.

Появился ночью часа в три. Был слегка навеселе и беззлобно яростен. Она уже спала. Но её разбудил настойчивый звонок. Маргарита Павловна надела халат, накинула на халат дублёнку – зима тогда выдалась не по-крымски холодная – и спустилась вниз.

– Здравствуйте! Простите, что так поздно! – весело сказал высокий красивый мужчина, чуть пахнувший смесью хорошего одеколona, дорогого спиртного и качественных сигарет. – Свободные номера есть?

– Здравствуйте! Конечно, есть! – обрадованно сказала хозяйка. Какая владелица гостиничного сервиса не радуется постояльцам? – Давайте я возьму ваш багаж! – Маргарита Павловна прямо как была, в тапочках, двинулась к такси,

стоявшему неподалёку от калитки. Не будить же мужа! Уж что-что, но чемоданов она за всю жизнь натаскалась без счёта.

– А это весь мой багаж! – Ночной гость помахал элегантно-потёртым кожаным саквояжем. – Я такси не отпускал, потому что не знал, есть у вас тут жизнь или нет! – Мужчина был явно взбудоражен, но присутствие этого незнакомца – даже ночью, даже слегка на взводе – производило какое-то успокаивающее и, если можно так выразиться, животворящее впечатление. Что вы знаете об одиночестве, если вы не были февральской ночью в переулочках Балаклавы?! – И я никогда не позволил бы женщине переносить мои пожитки! – Незнакомец махнул таксисту: мол, катись, я на месте. – Всеволод Алексеевич Северный, – отрекомендовался слегка хмельной, чудесно пахнувший мужчина. – Я хочу номер с видом на бухту. У вас такой есть?

– Есть. Маргарита Павловна, хозяйка этого гостевого дома, – представилась она.

– Маргарита Павловна?! Нет, правда? – рассмеялся он в ответ. Рассмеялся не обидно, ненасмешливо, хотя Маргариту Павловну невозможно было в силу её характера ни обидеть, ни надсмеяться над ней. Он так *правильно* рассмеялся, что ей стало даже приятно. Непонятно отчего и почему – но приятно. Он рассмеялся как-то умилительно и нежно, что ли. Есть же на свете такие мужчины! – Извините! – оборвал он сам себя.

– Ничего, ничего! Я привыкла. Обычно дальше мне сообщают про «характер такой, что полком командовать!»

– О нет! Я не поэтому! У меня свои, очень тёплые, практически сыновние отношения с именем Маргарита. – Он так доверительно, по-свойски улыбнулся, что хозяйка немного смутилась, чуть не приняв это за комплимент от молодого человека. Кстати, буквально через пару минут она узнала, что он не так уж и молод. Его паспорт беспрекословно свидетельствовал, что «молодой человек» моложе шестидесятилетней Маргариты Павловны всего на пятнадцать лет. Честное слово, ночью, да в его несколько взведённом состоянии она ему больше тридцати не дала бы. А ему, оказывается, сорок пять. Вот почему он представился не только именем, но и отчеством. Сейчас отчество у молодых не очень принято. Он же не так молод... Надо же, как выглядит! Для женщин – для нормальных женщин, для таких, как её Светка, – это важнее. Или ненормальных? Всегда Светка была на своей внешности двинута и всегда выглядела хуже некуда. Потому что перебарщивала: умудрялась забить природную красоту. Ну и характер! Как ни крась перья, как ни малюй фасад – характер перевесит. Светка была не слишком добрая (слово «злая» отсутствовало в лексиконе Маргариты Павловны). Не слишком добрая и мужиков своих всю жизнь изводила. Мужей – только официальных – у Светки было шестеро. Всё её что-то не устраивало. А Маргарита Павловна со своим Василием Николаевичем так всю жизнь и прожила. Всё устра-

ивало. «Жена да прилепится к мужу своему». У неё никогда и никаких мыслей даже не возникало. Любовь? Любовь, да. Ко всему живому. Ровная, спокойная, прилежная любовь ко всему живому. Именно такой любовью любила всех, вся и всё Маргарита Павловна. Потому и восхищение её ночным гостем носило именно такой характер: он понравился ей так же, как ей нравилось море, небо, горы и... и прочие природные явления. Например, красота и обаяние. Вот будь тут Светка, то, невзирая на её преклонный возраст... Это было бы смешно. Смешно и неловко. Но её тут нет, и бог с ней.

– Пойдёмте, посмотрите. Может, вам ещё и не понравится. Тогда у нас на выбор несколько коттеджей, но без вида на бухту. И номера поменьше – с видом.

Но постоялец хотел именно в мансарду, наверх, под крышу. И бодро взлетел на три этажа, плюс металлическая лестница под ту самую крышу.

– Извините, тут под лестницей у меня полотенца сушатся, ничего? – извинилась она. – У меня пока нет большой прачечной, да и на воздухе высушенное бельё – оно как-то приятнее.

– Это же чистые полотенца? Если чистые – то ничего! – хохотнул Всеволод Алексеевич. – А про бельё вы правы: на воздухе оно всегда лучше.

Его переполняла какая-то задорная энергия. Это было приятно. С ним рядом было безмятежно, спокойно. И весело (не путать со «смешно»).

Маргарита Павловна открыла ключом бронированную дверь ипустила гостя в помещение.

Это и была мансарда. Большой светлый номер с балконом. Тогда он не был ещё так хорош, как сейчас. Когда Маргарита Павловна перепланировывала, переделывала и переобустраивала мансарду, она думала именно о нём, а Всеволоде Алексеевиче. Прилежно привязывала этот номер к нему. К его вкусам. Ещё тогда, той самой ночью, едва зайдя в номер и небрежно бросив саквояж на пол – и даже в этом жесте было что-то безумно кошачье-мужское, – он сказал:

– Вот эти две стены убрать, в коридорчике перегородки тоже не нужны, кладовку под крышей разрушить и в образовавшуюся нишу – кровать. Сюда – низкий, но массивный стол, приземистую мягкую мебель. В потолки – окна. Большое окно в стене – иллюминатор. Шкаф под одежду – один, у выхода на балкон. И пару комодов. Больше ничего. Всё массивное и должно быть цвета моря, песка и морёного дуба. Цвета моря и песка, но без уклона в жовто-блакитность державного стяга. И никаких новомодных ярких пятен. Спокойствие и классика. Только спокойствие и только классика. Ничего, кроме спокойствия и классики. Но это я так...

Простите. Был тяжёлый день. Сперва на двенадцать часов задержали рейс. Затем даже бизнес-класс не спас от шумных украинских гастробайтеров, возвращающихся на родину. Они все так накачались за двенадцать часов ожидания в аэропорту, что бродили туда-сюда, не обращая никакого внимания... Вы же знаете условность наших бизнес-классов. Занавесочка – призрачная межсловная межа. Потом изумительные в своей наглости, к которой я никак не привыкну, крымские таксисты. Впрочем, меня это даже забавляет. Меня уже давно забавляет то, что прежде раздражало.

– Вы архитектор? – поинтересовалась Маргарита Павловна, мигом в уме всё взяв на заметку.

Сколько она ни думала над перепланировкой и ремонтом этого большущего, в сущности, чердака, громко и незаслуженно (пока!) именуемого мансардой, такие очевидные пространственные решения не приходили ей в голову. И не только ей. Она обращалась в дизайн-бюро, но там за проекты ломили какие-то несусветно большие цены, а предварительно проговоренные предложения были ей совсем не по душе. Из обычного большого чердака ей предлагали сделать дизайнерски захламлённый большой чердак.

– Нет, я судмедэксперт. Просто люблю простор, комфорт, уют и чистоту. И не люблю лишнего. Из этого чердака может получиться очаровательный номер для сибарита-одиночки. Если мне у вас понравится, стану постоянным клиентом. Я много лет приезжаю сюда. Ещё со студенческих времён.

Люблю Крым – всё побережье от Севастополя до Феодосии. А с тех пор как Балаклава перестала быть закрытым военным объектом, я во время своих крымских вакаций в основном здесь базируюсь. До сих пор останавливался в гостинице на улице Калича. Милая гостиница, хотя и неоправданно дорогая за их далеко не европейский сервис. Любоваться из окон люкса на дорогу и стену завода, а перекуривать во дворике, упираясь взглядом в крутой склон горы – это не очень по мне. Но тем не менее больше ничего особенно-то и не было. Ну разве что чуть повыше и далековато от бухты построили совсем уж какой-то пластмассовый кемпинг с номерами размером с коробку из-под холодильника... Не примите меня за сноба. Я легко довольствуюсь самым малым, когда нет возможности довольствоваться самым лучшим. Самым лучшим тут было гостиничное заведение на Калича. По крайней мере до сих пор. Я мирился с ценами, которые они ломили даже зимой, и терпимо относился к бессмысленному и беспощадному русскому... пардон, украинскому сервису. Но сегодня они переплюнули сами себя. Во-первых, меня не впускали добрых полчаса, несмотря на настойчивый трезвон. Во-вторых, заспанная девчущка, наконец отворившая мне врата, была так нелюбезна, как будто я лично олицетворял её проблемы былые, текущие и, вероятно, даже грядущие. В-третьих, бронированный мною люкс оказался занят. Потому что я, видите ли, опоздал на двенадцать часов. А между тем я перезвонил в гостиницу из аэропорта и предупредил,

что рейс задерживается на неопределённое время и я прошу держать номер за мной. А они мне по приезде: «Не я с вами разговаривала, мне ничего не передали!» Верю, что не с ней! Я разговаривал, так сказать, с гостиницей. Гостиница оказалась ко мне глуха. Не вняла просьбе постоянного и щедрого клиента. Я не стал уточнять, кому так срочно понадобился люкс февральской ночью в Балаклаве. Настолько срочно, что потребителю услуги отказали, цедя через губу. Не извинились. Не предложили альтернативы. Не стал, не стал, не стал. Я лишь ещё глотнул из моей верной бутылки виски и попросил очередного алчного и безмерно разговорчивого крымского таксиста – того самого, что подкатил меня сюда – оттранспортировать меня в какую-нибудь приличную гостиницу, если они тут, разумеется, есть. А хотя бы и в тот пластиковый кемпинг на горе. «Ой, тут на Куприна есть новая гостиница, – сказал мой извозчик, – очень приличная». И подкатил меня к вам. – Всеволод Алексеевич посмотрел на Маргариту Павловну и улыбнулся. – Похоже, я не только сноб, но ещё и брюзга. Вы наверняка хотите спать, а я вас всякой ерундой грузу. Простите, я не всегда так болтлив.

– Ах, перестаньте! – искренне замахала на него руками Маргарита Павловна. – Никакой вы не брюзга. Я прекрасно понимаю ваше состояние. Двенадцать часов в аэропорту, перелёт, наши таксисты с их ночными ценниками, да тут ещё и сервис подвёл. К тому же у нас не просто гостиница, а гостевой дом. И значит, каждый мой гость – не просто случайный

постоялец, а гость моего дома. Лично мой гость. Так что если вам что-то нужно – звоните лично мне в любое время дня и ночи. В папке все номера. Я здесь и живу. Моя квартира на втором этаже. Зимой у нас не слишком много обслуги: приходящая горничная, кухарка и я. Чувствуйте себя дома. Единственное... – Она замялась. – У нас в номерах не курят. Не потому, что я такая уж поборница здорового образа жизни, просто разные бывают постояльцы, не все соблюдают технику безопасности и...

– И напиваются, и прожигают дыры в диванах и занавесках! – подхватил ночной гость. – Не волнуйтесь, Маргарита Павловна! Я умею читать и знаю, что обозначает эта перечёркнутая сигарета в кружке. Я уважаю чужие монастырские уставы. К тому же одна из главных прелестей мансард как раз и заключается в балконах! На балконе можно курить?

– Да, конечно! У нас прекрасный большой балкон. Терраса... Там есть кресла и пепельница. Спокойной ночи, Всеволод Алексеевич.

– Спокойной ночи, Маргарита Павловна.

В восемь часов утра Маргарита Павловна обнаружила постояльца на кухне у Фёдоровны. Кухарка смотрела на него с обожанием и даже не сразу заметила хозяйку. Маргарита Павловна покашляла.

– Ой, Марритапална! – пророкотала не то ещё с вечера

хмельная, не то с утра опохмелившаяся кухарка. – Я пришла – и смотрю, вы мне тут распорядились насчёт завтрака для мансарды. Ой, только не надо мне делать внушений! Я знаю, шо завтрак с восьми до одиннадцати. Ну так то когда сезон! А тут мне стало интересно, шо у нас за гость такой в мансарде, шо вы мне прям завтрак, как аглицкому принцу, расписали. Ну так я ему и позвонила спросить, если он съест овсяную кашу, и яйца всмятку, и творог с сухофруктами, и булочки с джемом, и ещё вот всё то, что вы мне тут понаписали на полк, – так не треснет ли у него лицо? А он мне, милый, и говорит, что вполне удовольствуется манной кашей. Ну так меня зло взяло, и я ему свой коронный морковный пирог пеку, а на обед ему приготовлю корсарскую похлёбку! И пусть только попробует не съесть!

Глядя, как побледнела хозяйка от таких кухаркиных речей, Всеволод Алексеевич только рассмеялся и сказал:

– Маргарита Павловна, не переживайте. Я жаворонок. И к тому моменту, как мне позвонила очаровательная Екатерина Фёдоровна, уже принял душ. После того как сбегал на Генуэзскую крепость и обратно. К слову, такой прекрасной манной каши я в жизни не едал! С нетерпением буду ждать морковный пирог и корсарскую похлёбку.

– Ой та ну! Болтун! – выдохнула побагровевшая не то от «очаровательной», не то от принятой-таки, судя по запаху,

чарки Фёдоровна. И посмотрела на гостя с нежностью бездетной тётушки, горячо любящей своего единственного племянника.

– Как замечательно, что она вас не разбудила! – обрадовалась Маргарита Павловна. И тут же, слегка насупившись, сказала: – Ну что прикажете делать с такими кадрами?

– С такими кадрами, как ваша кухарка, можно делать отличный ресторанный бизнес! – сказал довольный постоялец.

Кухарка Северного полюбила. И стала за ним следить, как слишком любящие мамы следят за своими любимчиками. Следить – и докладывать Маргарите Павловне о результатах слежки.

– Сидит, как сыч. В кресло сел, ноги на перила задрал – и замер. Сорок минут сидел, в небо над бухтой смотрел. Что он там видел?! Чего на балконе сидит? То по сорок минут сидит без движения. То за десять минут пять сигарет подряд всосёт. То читает часами. Как глаза не повылазят?! Чудной какой-то. Бегает каждое утро. Гуляет. Вчера куда-то ездил. Целый день не было. «Куда, – спрашиваю, – ты, Сева, ездил?» – «В Ялту, Фё-доровна, ездил». И молчит. Я ему: «И что ты в той Ялте, Сева, делал?» – «По набережной гулял. На канатной дороге прокатился. В ресторации «Ореанды» посидел. Снова по набережной гулял». Что за отдых для мужика?! Мужик должен бабу снять, погудеть так, чтобы на

утро башка трещала и в зенках двоилось! А этот – «гулял». Гуляет всё, гуляет, никак не нагуляется. А ещё на закатное солнце пялится, на рассветное солнце пялится, на всех ветрах на том Генуэзском холме сидит и сидит, спиной сюда, в море уставившись. Не то продует, не то каменюка на голову упадёт с тех развалин. Тьфу! И, главное, зачем ему та ресторация «Ореанды»?! Я его что, плохо тут потчую? Неблагодарный! Говорит: «Молодость, Фёдоровна, молодость. Прекрасные воспоминания, благие намерения, этсэтера». Какого такого этсэтера благие намерения? Умничает, короче. Конечно, умничать и над Фёдоровной смеяться – это любой дурак может! Пожалуйста! Это Фёдоровна запросто съест. Но вот то, что он всего лишь три голубца моих осилил, – этого я ему никогда не прощу! А ещё не прощу, что он даже в тутошные кабаки ходит, зараза! И там у него, видите ли, воспоминания. Везде, видать, мужик отметился. Теперь всё поминает и поминает!

На утро, разумеется, кухарка прощала ему «всего лишь три голубца». И к восьми варила ему дурацкий кофе с мёдом и чесноком. По его рецепту. Она находила кофе вообще (а уж про кофе с чесноком и не говорить!) страшной гадостью. Каждый мастер своего дела имеет право на нелюбимый материал. Но нет того нелюбимого материала, который не полюбится, если его предпочитает любимчик.

Кухарка, в отличие от хозяйки, далеко не всех гостей так

запросто аннексировала в родные и близкие. Так далеко, что уж не припомнишь, кого ещё так.

Всеволода Алексеевича полюбили все. Даже всегда тихий, нарочито хмурый и старающийся быть незаметным для постояльцев Василий Николаевич выкуривал с ним по сигаретке вечером на скамейке. Да и в шахматишки изредка не брезговали. Под это дело Всеволод Алексеевич и пятилетнего внука Сашку играть подучил. Чтобы, значит, деду партнёр. Тут шахматы никто не уважает, всё больше карты или нарды. А Сашка, малявка неразумная, всё на лету ловил. И этот московский гость даже сказал, что у пацана большие способности. Не из вежливости сказал, а искренне, восхищённо! Это же сразу видно – кто из вежливости, а кто по правде. Эх, ещё бы родители-оболтусы этой крохи обращали на него внимание. Они разводятся, а мальчишку на деда с бабушкой кинули. А он очень умный – вон, дядька чужой и то заметил! И не только в шахматах. Читать сам научился. По бабушкиной Библии. Там картинки и буквы здоровенные. И читать научился, и картинки перерисовывает. А про папины-мамины дела, как маленький старичок, говорит: «И чего им не живётся?» – и вздыхает. Московский этот Сева – молодец. Уж насколько, сразу видно, людскую породу не жалуется, но с Сашкой всегда парой слов перекинется, да так, будто тот не щенок несмышлёный, а взрослый мужичок.

Постоялец тогда прожил две недели. Ни гостей, ни девиц – никого. Совершенно одинокий двухнедельный отдых с ви-

дом на Балаклавскую бухту. И с тех пор каждый год приезжал в гостевой дом Маргариты Павловны. Всегда в феврале. Был уже в этом году... И чего ему в сентябре захотелось да ещё и на месяц? Нет-нет, она очень рада. Все ему будут рады. И люди, и собаки, и даже коты, включая жирного кастрированного вислоухого британца, который никому дорогу не уступит, развалившись посреди лестницы. Никому, кроме Маргариты Павловны и Всеволода Алексеевича. Ну ей – понятно: она хозяйка. А его-то он только раз в год и видит! Но помнит. И даже иногда заседает с ним на террасе мансарды. Так что Всеволоду Алексеевичу Маргарита Павловна в мансарде не откажет. Как бы Светлане только всё объяснить? Закатит истерику, что любимого номера нет. Точно закатит. Ещё и к Всеволоду Алексеевичу будет холодна и презрительна. Лишь бы шпильки не отпускала. Да ему, как с гуся вода; это понятно. Но Маргарите Павловне – авторитет и марка заведения! Ладно. В общем, не самая большая проблема – Всеволод Алексеевич Северный. Он будет бегать, гулять и читать, иногда отъезжая на день или на два. Светкиных шпилек и не заметит. Да и обаяет он Светлану Павловну, к гадалке не ходи. А Маргарите Павловне будет чем заняться. Много тут народу, не совместимого друг с другом, будет в сентябре. На сей раз – очень много. Юбилей, будь он неладен.

Маргарита Павловна приняла душ, оделась. Сегодня –

кровь из носу – надо заехать в БТИ¹, узнать, как там дела с амнистиями. Пока что её пятиэтажный корпус считается надворной хозяйственной постройкой. К нотариусу надо сегодня – заранее договорено... На стройку забежать. Чего-то они там с облицовкой пробуксовывают?.. На завтра банкетный зал под свадьбу заказан – значит, каждого постояльца лично оповестить о том, что в ресторане может быть немного шумно и, если это не слишком удобно, не подать ли ужин в номер? Дел по горло. Вот и пора. Хватит думать наперёд. Чему быть, того не миновать. А сейчас двор обойти, кухню проверить, в церковь забежать и за руль – в Севастополь.

– Доброе утро, Кубик! – поздоровалась Маргарита Павловна с толстой кривоногой дворняжкой, спешащей к ней из тени бамбуковой рощицы. – Это тебе! – Она достала из кармана сарафана косточку из жил.

У неё было четыре собаки. Но беспородный Кубик, подобранный прошлой зимой на набережной, был любимчиком, фаворитом. Набережная Балаклавы с её бездомными псами была неизбывной душевной раной Маргариты Павловны. Но разрешение на постройку собачьего приюта было не так-то легко получить, хотя, казалось бы... Дотаций у государства не просит. Но тут, поблизости, построить не дают: санаторно-курортная зона. Да и цены на землю... А

¹ БТИ – бюро технической инвентаризации.

всякие инспекции? Каждый требует взятку. Или, как один депутат ей заявил, собаками занимаются соответствующие службы! Вы, мол, чего из себя собачью благотворительницу строите, Маргарита Павловна? От налогов жаждете уйти? Под социально ответственную бизнес-леди маскируетесь?.. Ну ничего. Ещё сезон-другой, начнёт функционировать пятиэтажный корпус гостевого дома – и на барашков в конверте она заработает. Ничего другого этим депутатам, инспекциям, бюро и надзорам не требуется. Потерпите, собачки. Будут вам вольеры и регулярное правильное питание. И стерилизацию наладим, и пристраивать начнём. Если то, что президент Незалэжной Рохляндии и его родня наблюдают из окон своего балаклавского особняка, их устраивает, то гражданку Украины Маргариту Павловну – категорически нет! Или им бездомные псы вид на блестящие белыми боками яхты подчёркивают?.. Да пусть его, президента. И ну их, власти. Это всё Василий Николаевич. Заражает её своей чрезмерной политической активностью, вернее сказать, политической болтливостью. Ей-то чего? Есть своё дело, и его надо делать. Упорно, прилежно и смиренно. Не президенту и не властям нужен собачий приют. Ей, Маргарите Павловне, нужен собачий приют. Ей нужен гостевой дом. Ей нужно заботиться о многочисленной родне. Ей, и только ей, очень нужен собачий приют! Куда больше, чем собакам. Вот и нечего. Счастья в жизни больше, чем несчастья. Нечего жаловаться, пока способен действовать.

– Маргарита Павловна! – К ней подбежал запыхавшийся прораб. – Маргарита Павловна, что-то ваш проектировщик с облицовкой обсчитался. Всю плитку уже использовали, и не хватило! – он развёл руками: мол, баловство всё – эти архитекторы и сметчики, ничего в строительстве не петрят! – И отвёл глаза куда-то влево.

Из всех его заказчиков именно эту тётку ему было стыдно обманывать. Поэтому он её обманывал только чуть-чуть, скорее по инерции, по выработавшейся за многие годы привычке. Потому что ему, прорабу, надо было заботиться о своей семье. Маргариту Павловну было обманывать стыдно. Мелькало в голове что-то не то книжное, не то киношное: «Он крал – и ему было стыдно...» Прораб получал десять процентов от общей сметы строительства. Это были очень хорошие деньги, особенно если учесть, что смета была посчитана без учёта его скидок на стройматериалы и с большими люфтами на непредвиденное. Но не красть он не мог. Как почти все в этой стране. В этих странах. Он не мог не красть – и ему, признаться честно, вовсе не было стыдно. Никогда. Пусть сперва чиновникам станет стыдно за воровство в гигантских масштабах. Тогда ему станет стыдно за свои мелочи. С бесстыжими жить – бесстыдно тащить! Никогда прежде ему не было стыдно. А вот сейчас, чёрт возьми, ему стыдно красть. Потому что это такая прекрасная женщина,

что ой! И деловая, и добрая. Судя по всему, она прекрасно понимает, что у его прорабской родной бабки санузел давно нуждается в ремонте, а пойти и купить плитку он просто физически не может. Где вы видели в этих странах востребованного прораба, покупающего себе плитку на свои? Но у неё он крадёт совсем чуть-чуть. И только стройматериалами! А она всё это прекрасно понимает. Но сейчас она вынесет ему деньги. Безо всяких проволочек, как это принято у большинства заказчиков. Без проволочек и без скандалов. И не потребует никаких объяснений. Такой у неё характер – хоть к ране прикладывай – у этой Маргариты Павловны.

Глава вторая

Маргарита Пименовна не отдала собаку Всеволоду Алексеевичу.

Для начала был изгнан посланный за псом Соколов. В четыре часа утра он, разумеется, не рискнул отправиться к Рите, хотя Алёна бушевала в трубку так, что мама не горюй! Когда полились короткие гудки, Семён Петрович меланхолично ткнул кнопку чайника. Поделом ему! Он сам никогда особо не беспокоился о неудобствах, приносимых его инвазией в жизнь друзей. Отчего бы и друзьям переживать из-за того, что на часах едва начало пятого, а за окном предрассветная синь? Да и не впервой ему, отцу уже пятерых детей, вставать под утро или за полночь. Хотя, если быть откровенным (а каким ещё стоит быть наедине с собой?), то надо признать, что доленое участие «вставаний», мягко говоря, не сбалансировано вселенской формулой справедливости: на один Сенин подъём к хнычущим младенцам приходится добрая сотня Лесиных. И никогда – никогда! – она ему не ныла, что у неё завтра совещание, важное дело, самолёт «Домодедово – Шарль де Голль», хотя именно у неё чаще всего завтра было совещание, важное дело и тот самый самолёт. У неё, а не у Сени! Потому что она, а не Сеня – занимает топ-менеджерскую позицию в транснациональной компании – производителе бренда с мировым именем и по-

что двухвековой историей!

Сука!

И ах, как трогательно, что жена никогда не озвучивает, сколько она потратила ему на костюмы, детям на игрушки-тряпки и на постельное бельё-занавеси. Как мило, что она молча оплачивает счета, не козыряя своей финансовой независимостью перед супругом!

Издевается, гадина!

А как Леська ловко маскирует своё ехидство под восхищение, рассказывая друзьям, какой Сеня успешный бизнесмен и невероятного ума и всяческих достоинств мужчина!

Дрянь!

Да уж, невероятного ума он, ничего не скажешь. Торчит тут со всяческими своими достоинствами, вроде хронического панкреатита, на вечно захламлённой мусорной кухне, успешный бизнесмен, мать-перемать! Успешные бизнесмены все в Лондоне, в Соединённых Штатах Америки, на Юге Франции или в Италии, на худой конец. С прислугой, живущей в отдельно стоящих от роскошного хозяйского особняка (а то и замка!) уютных домиках.

Внезапно Соколов ощутил приступ такой злейшей ярости на жену, что у него вспотел крестец и сбесились каротидные синусы. Он надавил на глазные яблоки. Помнится, рефлекс Ашнера – Данини?² Даже врача из него не вышло! Духу не

² Рефлекс Ашнера – Данини, или глазо-сердечный рефлекс, – замедление частоты сердечных сокращений и падение артериального давления при надавливании

хватило. Красивой жизни захотелось! И что теперь в твоей жизни красивого? Жена с отвисшим от родов брюхом в полосочку растяжек и безысходность? Жена платит за хлеб и зрелища, причём для всей кофды, а ты весь в проектах, результативность которых не позволяет тебе не то что виллу в предместьях Лос-Анджелеса купить, но даже домишко в Подмосковье построить...

Не то рефлекс сработал, не то стыд от того, что он собрался принять половину от денежной сметы на проект от друга, но сердце забилося медленнее. А ладони покрылись липким потом. Немного поразмышляв, не климаксом ли его накрыло, Соколов успокоился. Только височная жилка продолжала чеканно-яростно телеграфировать: «не-на-ви-жу-не-на-ви-жу-не-на-ви...» Высшие центры коры головного мозга постарались пересмотреть решение миндалины, призвав на помощь такие мощные инструменты регулирования, как память и контекст, но это не позволило им точно и взвешенно определить эмоциональную значимость стимулов. Потому что стимулов к столь сильной встряске лимбической системы никаких и не было, во всяком случае внешних. Ну не Алёнин же звонок, в самом деле!

нии на боковую поверхность глазного яблока. Возникает таковой эффект в результате рефлекторной передачи возбуждения с тройничного на блуждающий нерв. Наблюдается через пять-шесть секунд от начала надавливания и продолжается двадцать-шестьдесят после прекращения давления. При этом иногда усиливается перистальтика и замедляется частота дыхания. В клинической практике имеет значение для суждения о реактивности вегетативной нервной системы.

Алёна вот ещё! Хорошо им с Северным. То есть Северному, поганцу, хорошо. Живёт, ни о чём не думает посреди своих стометровых хором один-одинёшенек, наслаждается, сибарит хренов! Сноб! Зануда! Брюзга! Забодал всех своими поучениями и тонно-километрами прочитанных книг. Тоже мне, достоинство – цитатами сыпать, фолианты любовно оглаживать между плотскими утехами с кем попало. А как надоели хороводы малолетних девочек-дур – так отхватил себе умницу-красавицу более подходящего возраста. Более подходящего тем, что в Алёнином веке у любой приличной женщины уже имеется взрослое дитя. И Северному не придётся возиться с говняными памперсами, с аденоидами и неправильными прикусами, не надо будет рассказывать про «почему небо голубое, а трава зелёная», тужась в попытках пересказа спектрально-атмосферных явлений и процесса фотосинтеза в версии для альтернативно одарённых шимпанзе! Нормальным мужчинам постоянные женщины нужны именно что не раньше пятидесяти! И именно же, что с подроженными уже, эстетически выдержанными детьми, студентами престижных столичных вузов, проживающими в отдельных от мужчин и женщин квартирах! И богатства друг Сева никогда не алкал. Эх, мне бы его начальноразвально-передельные возможности девяностых, уж я бы с моими способностями развернулся! А этот – чистоплюй! Мораль – смотри этика, этика – смотри мораль. А туда же, позёрство: мол, я весь такой циник, ах, я такой кремень. Трус,

слонтяй и напыщенное фу-фу, прикрывающееся никому не интересной суммой профессиональных знаний и бряцающее щитом своего интеллектуального превосходства! Всезнайка престарелый!

Внезапно Соколову стало ужасно стыдно, и он, покраснев, снова ткнул кнопку электрического чайника. Кажется, уже в третий раз. Друга и подругу-однокашницу ненавидеть не получалось. Ненависть всё очевиднее приобретала крепкие коренастые широкобёдрые очертания ещё вчера – даже буквально сегодня! – горячо любимой спутницы жизни Олеси Александровны. Перед ней ему почему-то не становилось стыдно. Напротив: если бы не она, всё было бы не так! Если бы не она, он был бы подтянут, строен и успешен. Без пяти хомутов на одной шее. Сеня попытался было поразмышлять о том, что могло бы получиться, согласись Соловецкая выйти за него замуж в далёкой юности... Но в этот момент зашпанная Леська вышла из спальни в уютной голубой пижаме, слегка выцветшей и несколько пёстрой от застиранных пятен, во множестве случающихся на одеждах многодетных матерей.

– Ты чего так рано? – равнодушно спросила она и, не дожидаясь ответа, отправилась в туалет.

– Ничего! – прошипел Сеня, нервно бряцая ложкой в чашке. – Чтоб ты спросила, замарашка!

– Не шуми, пожалуйста, детей разбудишь, я ещё часок по-

сплю, очень вчера устала и к Пенеласе два раза вставала, – безо всякого раздражения монотонно пробормотала жена, возвращаясь коридором в спальню.

– К Ане! Её зовут Аня! – заорал Соколов, перекрикивая водопад, продолжавший литься из стояка в давным-давно поломанный бачок. – И глаз не подняла, распустёха! Она меня вообще не замечает. Я для неё просто предмет интерьера! – тут же язвительно проскрипел он себе под нос.

Леся даже не обернулась.

Сеня зашёл в туалет, с грохотом снёс фаянсовую крышку, нащупал на дне бачка покосившийся клапан и попытался заткнуть им соответствующую дырку. При этом задел поплавок, что-то там треснуло, скрипнуло, и фонтанчик ледяной воды брызнул ему за шиворот.

– Нет! Это кошмар какой-то! – заорал Соколов и, перегнувшись, перекрыл вентиль. – К бениной маме! Ей что, трудно вызвать сантехника?! – Он даже обрадовался, что надо ехать за Севиной псиной. А эта! Проснётся – пусть сама и разбирается!

В переполняющем его до краёв гневом он как-то запомнил на секундочку, что Леся обычно со всем «сама и разбирается», в том числе с бачками от унитаза. Просто не всегда своевременно успевает, потому что человеческие возможно-

сти ограничены, будь ты сто раз топ-менеджером.

– Нет, ну даже зенки не разлепила! – продолжал исходить ядом Соколов. – Дрыхни, дрыхни! Всю жизнь продрыхнешь!

Это было вопиюще несправедливо, потому что последние годы Леська редко когда спала больше пяти часов в сутки. Но ненависти плевать на справедливость. Сенина ненависть была иррациональная, однако имела формы. Ненависть была толстая, мятая и неряшливо застиранная. И лицо. И это было заспанное лицо жены. Голосом ненависти стал шум унитазного бачка. Запахом ненависти – ещё пару часов тому приятное смешение ароматов Лесиного дезодоранта, во-ни нового пластика бакуганов³ Дария, тонкой эссенциальной мармеладности Даши, щенячьего духа Жорыча, фруктового пуканья Георгины и младенческой безмятежности присыпки Анны-Пенелаи. Чтобы заблокировать обретение ненавистью вкуса и осязания, Сеня сунул пачку сигарет с лежащей внутри зажигалкой за резинку трусов, взял чашку и на цыпочках прокрался сквозь заваленный бытовым хламом тамбур на лестничную клетку. В бетонной прохладе немного отпустило. Вспомнив, что он пообещал купить Даше собаку, гла-

³ На всякий случай разъясню: бакуганы, боевые монстры – персонажи японского аниме-сериала *Vakugan Battle Brawlers*, по мотивам которого для детишек сделали настольную карточную игру *Vakugan*, которая у некоторых маленьких мальчиков считается такой же статусной вещью, как у некоторых же великовозрастных девочек сумка *Birkin*.

ва многочисленного семейства даже слегка улыбнулся. Вдох-выдох... Всего лишь игры разума. Человек управляет компьютером, а не компьютер человеком! Не так ли?

Семён Петрович медленно и размеренно пил на лестничной клетке прогорклую бурду, получаемую при смешении кипятка со щепотью вонючего коричневатого мусора, и давился дымом, размышляя о том, какими прекрасными станут его утренние медитации, когда он всё-таки построит дом с отдельным флигелем для себя, любимого. Вот уже там он будет сперва принимать душ, затем одеваться а-ля денди лондонский и только после этого будет молотить зёрна в ручной мельнице, правильно варить напиток в правильной джезве и совершенно уже аристократически курить, прихлёбывая божественную бодрящую амброзию, просматривая под это дело свежие новости. Затем он будет желать доброго утра красивым, умытым, причёсанным и хорошо одетым деткам. То есть они ему. А затем милые детки будут растворяться – до самого позднего вечера! – в далях престижных школ, англоязычных гувернанток и франкоговорящих нянюшек. Поздними вечерами, после того как детки пожелают – нежно и ласково, но быстро-быстро! – папе и маме спокойной ночи, Сеня с любимой женой будут выпивать по бокалу хорошего вина на веранде. И Леся будет в красивом, летящем или даже струящемся вокруг тонкого стана платье. Осталось понять, откуда это всё взять, включая Лесин тон-

кий стан... Задумчиво почесав то самое, что болталось в его трусах – ведь именно в такой амуниции Сеня в почти панической атаке выскочил на перекур, он прямо так и слышал голос своего друга Всеволода Алексеевича Северного: «А что тебе сейчас мешает сначала умыться-одеться, сварить себе нормальный кофе и только потом закурить в качестве починки реализации твоих фантазий...»

– Что-что... – пробурчал Сеня. – Много чего. Много чего, но в основном...

«В основном – расхлябанность и лень!» – цинично бил правдой по больным местам «внутренний» Северный.

– Я сейчас пью пусть бурду, но зато уже медленно и размеренно! – огрызнулся в пустой лестничный пролёт Соколов.

«И гроша ломаного не стоит твоя размеренность. Ты просто пытаешься оттянуть момент неизбежного похода к Рите!» – хохотал Сева откуда-то из собственной соколовской утробы, заглушая глухое подъездное эхо.

– Это заразно! – вздохнул Соколов и поставил чашку на перила. – Но Северный-то хоть сам с собой разговаривает, потому что живёт один. А мне, слава богу, есть с кем поговорить. Жена, пятеро детей... – Семён Петрович судорожно

вздохнул. – Боже мой! Мне всего лишь тридцать восемь лет, а у меня жена и пятеро детей. Я живу во всего лишь квартире, как лох! Дом не построил, ни одного дерева собственноручно не посадил, сына пока не вырастил... Да и, признаться честно, дети у меня какие-то придурки, а вовсе не индиго! Особенно Дарий и Жорыч. Ну полные идиоты! Даже для своих лет. Да я в их годы... Стоп! А в свои годы я что?! Олигархом не стал! А раз не стал до тридцати восьми, то уже, видимо, никогда и не стану. И не просто «видимо», а вполне очевидно! Ни один из моих сыновей не поступит в Массачусетский технологический в двенадцать, ни одна из моих дочерей не будет примой-балериной Большого театра, я никогда не увижу своё имя в списке «Форбс»... Зачем я живу? Боже мой, боже мой! Моя жизнь бессмысленна, я неудачник. Никчемный муж ненавистной жены, отец бездарных детей, бизнесмен из меня, как из молотилки операционный микроскоп...

Узрев внезапно разверзнувшуюся ещё больше бездну отчаяния (хотя, казалось бы, куда ещё больше?!), Сеня взмахнул рукой, и чашка с коричневой жидкостью рухнула вниз. Раздался приглушённый всплеск расколотившегося вдребезги фаянса.

– Вот так и я кану в ничто, разобьюсь в никчемные осколки, клочья моей гнилой плоти будут глотать опарыши! – над-

рывно всхлипнул Соколов. Глодающие его плоть опарыши оказались последней каплей. И Сеня пролил несколько искренних тихих слёз. Слизнув с верхней губы солонуватую влагу, он почесал толстый живот. – Я даже с телом своим ничего не могу сделать! – констатировал он и брезгливо отдёргнул от себя руку.

«Гнида, едь за собакой!» – раздалось в черепной коробке ехидно-директивное от Соловецкой.

– И ещё я сошёл с ума. Я слышу голоса.

Семён Петрович решительно щёлкнул резинкой трусов и вернулся в квартиру. Бесшумно и моментально собрался и стремительно донёсся до Бульварного кольца. Всё-таки по Москве иногда ещё можно ездить. Например, в половине пятого утра. Не рискуя разбудить Маргариту Пименовну так рано, он сел на скамейку под её подъездом и снова предался ментальному самоистязанию. Как ни крути, выходило что он, Семён Петрович Соколов, в свои без малого сорок – никто, ничто, имя ему никак. Он – самый обыкновенный, серый безликий обыватель, каких миллиарды на этой планете. В Сенином пузе возникла чёрная дыра безнадёги. И его стало стремительно засасывать в эту внезапно образовавшуюся дыру. Сене стало плохо, на физическом уровне. У него заледенели руки и ноги, несмотря на всё ещё летнее душное

утро. В голове шумело и пульсировало. Ненависть к жене смешивалась с жалостью к себе. Обида на неисключительность детей умножилась на оскорбление собственной неспособностью стать олигархом... Он был просто не в состоянии сконцентрироваться. Его мутило.

– Сеня, что ты здесь делаешь?! Ты что, девочка, что ли? В обморок собрался? Долго догуливал вчерашние именины?!

Соколов еле-еле сфокусировался на знакомый голос. Перед ним стояла Рита Бензопила. И мутным, издали разносящимся басом, растекающимся по матрице восприятия, ревели:

– Сеня! Что! Ты! Здесь! Делаешь!.. – И через мгновение обеспокоенно своим обыкновенным приятным близким контральто чётко, отдельно и осмысленно, разве что чуть медленнее обыкновенного: – Мальчик, с тобой всё в порядке?

– Да-да, спасибо, Маргарита Пименовна! Со мной всё в порядке! – невероятным волевым усилием Соколов пришёл в себя. И даже пошутил: – Я же уже взрослый мальчик! Всё хорошо, просто Сева прислал меня забрать пса. То есть меня прислала Алёна. Они оба меня прислали. Им зачем-то срочно нужен Севин пёс. Доброе утро, Маргарита Пименовна! – Сеня встал и слегка поклонился.

ком куда-то в сторону. – Скажешь этим, что хрен им, а не собака! Знаю я своего сына! Ему не то что собаку – ему таракана доверить нельзя! Так что давай катись отсюда, если ты в порядке! Общий привет!.. – И тут же, сменив свой обыкновенно высокомерный тон на сироп с вареньем, Маргарита Пименовна сладкоголосой сиреной запела: – Ритин пупсик, мамин котик, идём гулять! Идём, уже идём! Глупый дядя Сеня отвлекает мальчика от утренней прогулки!

– Кажется, и первый «мальчик» действительно был вовсе не в мой адрес, – растерянно пролепетал Семён Петрович, глядя вслед мобильной композиции «дама с собачкой». – Никто тебя не любит, Соколов. Никому ты не нужен. Никто не будет вставать ради тебя в пять утра... Господи, Рита встала в пять утра?! Да она раньше десяти глаза не продирала никогда и до полудня раскачивалась. Ванну принять. Выпить чашечку кофе. В ванне. С рюмочкой коньяка. Чтобы почки лучше работали. И с сигареткой. Чтобы рефлексy включить. А тут... В пять утра она бодро рысачит по двору с лохматой дворнягой?! Чтоб я провалился! Сегодня магнитные бури, не иначе.

Махнув рукой, он сел в машину.

– Я – чмо! – сказал он торпедe и включил зажигание.

Через полчаса он был у Северного.

– Рита не отдала собаку! – вместо приветствия сказал он замогильным голосом другу, открывшему дверь. Проплёлся с видом короля Лира в изгнании по уже залитой солнечным светом, почти лишённой стен Севиной квартире и шлёпнулся в кухонное кресло. Кресло жалобно закрипело всеми фибрами своей соломенной души.

– И ты поэтому так мрачен? – после небольшой паузы, во время которой он внимательно смотрел на своего младшего товарища, уточнил Всеволод Алексеевич у непохожего на себя Сени.

– Нет. Хотя и поэтому тоже, отчего нет? Я не смог справиться с элементарным заданием – привезти другу его пёсика. Северный, сегодня утром я осознал, что я – никто, ничто, имя мне никак, жена моя – толстая корова-производительница, дети мои – обычные куски мяса с глазами... Северный, я – ничтожество!

– Стоп-стоп-стоп! Соколов, что с тобой случилось? Вчера вечером, если не сказать уже ночью, ты был доволен жизнью, любил свою жену, к слову – великолепно выглядевшую на своём дне рождения, и производил впечатление счастливого человека. Что случилось за пару часов? Тебя похитили инопланетяне и... Или ты бы предпочёл, чтобы твои дети были безглазыми кусками мяса?

– Кстати, об инопланетянах. Твоего не пойми какого те-

рьера теперь зовут вовсе не «тварь» и не «лохматый сакво-
яж», как в предыдущей серии, а «мальчик», «куклёныш»,
«зайчик», «прелесть», «пупсик» и «котик». И ещё он хава-
ет дор-блю по утрам. Возможно, Рита даже поит его коллек-
ционным вином, – бесцветным голосом сообщил Семён
Петрович.

– А где собака?! – прокричала вышедшая из ванной Алёна
Дмитриевна, свежая, как рассветный ландыш. – Сеня, при-
вет! – подбежав к старому другу, она чмокнула его в щёку.
Он никак не ответил на её экспрессивное приветствие.

– Алёна, я не знаю, что такое моя матушка сделала с Со-
коловым, но подозреваю что-то страшное. Рита вполне спо-
собна сделать страшное, особенно с человеком, явившимся
к ней в пять утра.

– Твоя маменька ничего со мной не делала, – пробормо-
тал Семён Петрович. – Она в пять утра гуляла с собакой.
В джинсах. С сыром в кармане. И она сказала, что собаку
«им»... то есть тебе... то есть вам обоим... не отдаст.

Перед Сениным носом возникла чашка нормального ко-
фе. Соколов втянул носом пряный коричный аромат и завыл:

– Сева-а-а, Алёна-а-а-а, я никто-о-о и ничто-о-о...

– Молчать! – рявкнул Северный так, что даже Алёна
Дмитриевна слегка присела.

Сеня моментально заткнулся. Соловецкая, приняв у Северного чашку кофе и прикуренную для неё сигаретку, сдержанным тоном аккуратно восхитилась Всеволодом Алексеевичем:

– Ни фига себе ты можешь, – и тихонечко отхлебнула. – Опасно за тебя замуж выходить, – совсем уж себе под нос пробормотала она.

– А теперь говорить! – обратился Всеволод Алексеевич к поникшему другу. – Только кратко и по существу.

– После звонка Алёны я сначала возненавидел жену, потом унитаз, потом детей, а потом, когда курил на лестнице, то неожиданно, но со всей ясностью понял, что я дрянь! – скороговоркой выпалил Соколов. И снова замолчал.

– Понятно, – коротко резюмировал Северный.

Некоторое время все молча пили кофе и курили.

– А что тебе понятно? – почему-то шёпотом поинтересовалась Алёна Дмитриевна.

– Что наш друг со всей ясностью понял, – коротко пояснил Всеволод Алексеевич. – И поэтому сейчас со всей своей ясностью он отправляется к чертям собачьим, а мы с тобой после лёгкого завтрака нанесём визит моей разлюбленной матушке для внесения ясности же в собачий вопрос.

Глава третья

– Входите, дверь открыта, а я очень занята и руки у меня мокрые! – пророкотало в домофон одновременно с нетерпеливым щёлканьем магнитного замка.

Сева с Алёной переглянулись и молча поднялись на второй этаж. Дверь действительно была открыта. И это с маменькиной-то нездоровой боязнью воров, убийц и сексуальных маньяков! Уж как Всеволод Алексеевич её ни обсмеивал на предмет страха последних, но Рита отщёлкивала сына фразой: «И на мой возраст найдутся – на то они и маньяки!» А тут – двери нараспашку!

– Проходите! Я мальчику попу мою, у мальчика понос! Чем ты его кормил, мерзавец?

– Ну уж точно не заплесневелыми сырами по утрам, – пробурчал под нос Северный и тут же удостоился от Алёны чувствительного пинка в бок.

Пара молча проследовала в кухню. Северный зашуршал принесёнными пакетами. (Вечная слава круглосуточным супермаркетам! Ура!) Явиться к матушке без набора № 1 «Завтрак добропорядочной пенсионерки»? Смелый человек не боится смерти, но ищет её только безумец. Кстати именно

из-за последнего обстоятельства в том числе Рита Бензопила понятия не имела, что все её желания-капризы давно не только учтены любящим сыном, но пронумерованы и звучно поименованы. Узнай она о кодовом названии продуктового набора № 2 «Старушка при смерти», и Севины шансы оказаться в реанимации были бы куда достовернее маменькиных.

– Овсянку купил? – покрасневшая Рита выскочила из ванной, держа в руках укутанного в полотенце метиса.

«Геркулес» Всеволод Алексеевич покупал Маргарите Пименовне раз в месяц. Потому что ела она его по ложке в сутки. С одной собственноручно покрошенной инжириной. («Покупай только у узбеков! Чтобы я больше не видела этой усушенной в пыль отравы в вакуумных упаковках! Ты что, в могилу меня хочешь свести?!») Миндальным, грецким и лесным размолотыми орешками – по одному на порцию, уместившуюся в розетке для варенья. Залить столовой ложкой обезжиренного кефирного йогурта. («Не было этой фирмы? Надо было заехать в другой магазин! Уморить меня решил?») Странно, что таковая забота о здоровье и фигуре не мешала Рите хлобыстать коньяк мужскими, если не сказать лошадиными, дозами. («Алкоголь мне не нужен, я спокойно могу без него обойтись, но вмешиваться в привычки длиной

в жизнь считаю делом рискованным»⁴, – отвечала Рита сыну на его редкие замечания на этот предмет, приняв максимально англазированный, по её разумению, вид.)

– У тебя что, уже закончилась? – удивился Северный.

– Мальчику так понравилась овсянка с куриной грудкой и оливковым маслом, что я сварила ему ещё. И ещё чуть-чуть попозже, – немного даже вроде как застеснялась Рита.

– Тогда понятно, почему его несёт. Ведро овсянки с оливковым маслом, мягкие замшелые сыры по утрам... Мама! Он настолько угваздался, что под «попой» ты имела в виду всего пса?

– Тогда ему смело можно давать кличку «Жопа»! – расхохоталась Соловецкая. Возможно, немного не уместно. Но всё это было так смешно, что удержаться не было никакой возможности.

– Алёна, как вы можете! Ну ладно моё невоспитанное великовозрастное несчастье, но вы – милая, интеллигентная, культурная девушка! – укоризненно покачала головой Маргарита Пименовна.

– Надо же! Ритуля, ещё не так давно Алёна была не подходящей для меня партией, практически мезальянсом, деревенщиной-алкоголичкой, а сейчас она милая, интеллигентная, культурная девушка? – нарочито иронично возмутил-

⁴ Одно из многочисленных замечательнейших высказываний Уинстона Черчилля об алкоголе.

ся Северный. – Да-да, здравствуй, матушка! Прости. Нынче спозаранку все забывают пожелать друг другу здоровья. – Он покорно поцеловал Риту в демонстративно подставленную щеку. – Фу, воняешь мокрой псиной!

– Я, в отличие от тебя, способна критически относиться к себе. И если я не права, всегда могу признать ошибку и принести свои извинения! – фыркнула Рита. – Его зовут Мальчик. И я вам его не отдам. Животное больное и нуждается в уходе.

– И чем же это животное болеет, скажи на милость? Ну кроме наглости и хитрости, а эти состояния, насколько я помню курс физиологии, трактуются вариантами нормы.

– Он крипторх⁵, дубина! Ты что, не знаешь, какими осложнениями грозит крипторхизм?

– Кастрацией!

– Сева, ты идиот! Крипторхизм грозит опухолями! Злокачественными опухолями!

– У собак?! Которых совершенно спокойно можно... – Алёна осеклась, не столько из-за гневного взгляда, брошенного на него Ритой, сколько из-за того, чтобы не расхохотаться.

– Всеволод Северный, вы идиот! – Ещё раз веско сказала Рита.

⁵ Крипторхизм – от *kryptos* – скрытое, *orchis* – яичко (греч.) – аномалия развития человека и некоторых млекопитающих, при котором яичко при внутриутробном развитии плода не опустилось в мошонку.

– Господи, за что?

– За всё!

– Спасибо, Рита, что неустанно напоминаешь своему единственному сыну о том, что он идиот. Хотя он и сам об этом помнит. Я даже – спешу тебя обрадовать новым подтверждением факта сыновнего идиотизма – так и не сделал Алёне Дмитриевне предложение руки и сердца по всем старорежимным правилам, как ты советовала. Можно, конечно, сетовать на то, что мои друзья и друзья моих друзей, а также разнообразные обстоятельства, вроде общечеловеческого любопытства и запачканного вишнёвым пирогом платья, тому помешали, но факты – вещь суровая. В сухом остатке имеем то, что имеем: предложение сделано не по правилам, и от не по правилам сделанного предложения Алёна Дмитриевна отказалась.

– Я бы тоже отказалась выйти за тебя замуж! – хмыкнула Рита. – Как можно выйти замуж за человека, забывшего поздравить любимую женщину с днём рождения? Как можно называть «любимой» женщину, которую ты забыл поздравить с днём рождения?

Повисла пауза. Отошедший от помывочного стресса безмянный терьер-полукровка, он же лохматый саквояж, он же беспризорник, любитель пожевать Кастанеду, кроссовки и баранью косточку с хрящиком, он же, как выяснилось, Мальчик, слегка запоздало – сказывался стресс от купания – уста-

вился на Северного и с радостным поскуливанием попытался вывернуться из здоровенного банного махрового полотенца, стремясь к хозяину.

– Узнал, бродяга! Ну наконец-то! – обрадовался Северный. И тут же вдогонку: – Алёна, прости, я не только идиот, я ещё и свинья. Ты же мне в первую нашу встречу на кухне у Соколова сказала: «Мне тридцать девять. Наш друг Сенья был жестокосердными родителями отдан в школу на год раньше положенного. Но и мои тридцать девять меньше чем через месяц станут неправдой, потому что мне исполнится сорок...»

– Он не идиот, Алёна! – захохотала Рита Бензопила. – Ну не клинический, во всяком случае. Он аутист. Целые куски текстов бессмысленно воспроизводить – милости просим. А с причинно-следственными связями у моего полувекового мальчика проблемы! Как он только репутацию хорошего специалиста заработал, не представляю... Не рвись, ты мокрый, простудишься! – последнее адресовалось псу.

– Мама, он не простудится. Август, жара. Отпусти ты его бога ради! – несколько раздражённо заметил Северный.

Раздражался он не на мать. И конечно же, не на пёсика. Раздражался он только и только на себя. Вот ведь действительно остолоп! Неудивительно, что Соловецкая не приняла его предложения...

– Да не расстраивайся ты так! – Алёна погладила Северного по щеке. – Я и сама забыла, честно говоря. Если бы подруга не напомнила, мы и не выпили бы по поводу. Так и продолжали бы без повода хлебать. Я как сделала себе подарок – собственно эту самую Калифорнию, так сразу же и забыла, что мне уже сорок. Тоже мне, радость, помнить ещё о ней. И к тому же сорок лет не празднуют. Не знаю почему. Знаю, что не празднуют. А вы, Маргарита Пименовна, откуда узнали? – Воткнув руки в боки, Алёна Дмитриевна переключила своё внимание на матушку любимого. Потому как на самого любимого было жалко смотреть. А когда на красивого, здорового и сильного взрослого мужика жалко смотреть, смотреть на него не очень-то и хочется. Особенно если ты не из тех женщин, что умеют жалеть мужчин.

Маргарита Пименовна отпустила, наконец, пёсика на волю. Он тут же кинулся к Северному обниматься-целоваться. Всеволод Алексеевич механически погладил его по спине, и пёс, недовольный недостаточно пристальным вниманием к его персоне, ускакал куда-то в комнаты, предварительно фыркнув что-то на манер: «Ну, я тебе покажу!»

– Узнала, узнала. Как вы заметили в позапрошлую нашу встречу, Алёнушка, почти все мои друзья-знакомые-приятели умерли. Почти, да не все. Вот и потрусилась Маргари-

та Пименовна Северная былими знакомствами. Попросила разузнать всё про Алёну Дмитриевну Соловецкую. Уж больно девка красивая и умная, не смотри, что слегка заносчивая. Не могла же я вручить единственного сына какой-то непроверенной дамочке!

– Мама! – попытался осадить родительницу Всеволод Алексеевич.

– Что «мама»? Ну что «мама»? – окрысилась Рита. – Ничего плохого, кроме хорошего, я про Алёну не узнала. Девка молодец. Мужикам нравилась, а замуж не выходила. Сама дочку подняла, сама же карьеру сделала! А потом всё к чертям послала – и тоже по собственному желанию, – это надо характер иметь. Тебе подходит!

Северный придумывал, что бы такое матушке ответить поязвительнее. У Алёны в глазах мелькали весёлые бесенята. Рита Бензопила моргала невинно, что не предвещало для Всеволода Алексеевича ничего хорошего. И в этот момент в кухню вошёл терьер-полукровка, волоча в зубах... О, сейчас грянет такая буря, что гнусная безродная псина вылетит из Ритинога дома быстрее пингвина, катящегося по льдине. Возможно, прямо через окно. Потому что в зубах пёс крепко держал плюшевого медведика в брендированной буквами «MGH» кукольной хирургической пижамке с игрушечным же фонендоскопчиком на шее. Помнится, ещё в начале замшелых девяностых Севин отец привёз этот сувенир из глав-

ного госпиталя штата Массачусетс. Мемориального медведя не позволялось трогать никому. Особенно после смерти папы. Как-то раз о чём-то задумавшись, Всеволод Алексеевич машинально взял с полки плюшевый презент американских докторов... И даже мысль додумать не успел – на него тайфуном «Катрин» набросилась Рита и разве что не поколотила. А уж сколько нового он о себе тогда узнал! Матушкина ласка в тот раз брызгала просто фонтаном... Ну всё, пёс, береги единственное яйцо! Ты посягнул на реликвию! Дай бог живым тебя отсюда увезти.

Всеволод Алексеевич внутренне сгруппировался, приготовившись спасать лохматое недоразумение от праведного Ритиногo гнева. Но каково же было его удивление, когда вместо гневного изрыгания проклятий из маменькиных уст медоточиво проистекло:

– Мальчик принёс своего мишеньку! Ах, мой сладенький! Мишеньке давно никто не выкусывал блошек! Мамина радость!.. Что ты рот раззявил? – последнее, кажется, она адресовала сыну. – Это всего лишь игрушка! А Мальчику – радость. Смотри, как он его любит, – умилённо ворковала Рита, глядя на мокрый кусок собачьей шерсти, действительно нежно выкусывающий плюшевому медведю несуществующих блох.

– А давайте выпьем за мой день рождения! – примириительно воскликнула Алёна, решив, что пришла пора для оче-

редного отвлекающего манёвра.

– А давайте! – тут же согласилась Рита. Вот уж кто выпить неважно за что никогда не отказывался. – Но только мы с тобой. Севка за рулём!

– Ну разумеется, ему нельзя!

– Да-да! Тем более что после он нас с Мальчиком отвезёт в собачий парикмахерский салон. Такие есть. Их много. Я с утра в Интернете уточнила. Уже и до нас цивилизация докатилась. Там Мальчика причешут, постригут. Сева совсем не заботился о маленьком Мальчике! – засюсюкала мамаша в гнусную терьерскую бородатую рожу. – А вам пёс совершенно ни к чему, тем более больной. Ему писать надо каждые два часа, а не два раза в день. У вас другие совсем заботы. Севка работает, а ты...

– Я, между прочим, тоже работаю! – подала реплику Алёна, разыскивая в маменькином буфете коньячные рюмки.

– Ну, тебе работать уже недолго. Во всяком случае, там, где ты сейчас работаешь. Те же источники, что мне о тебе всю подноготную вывалили, доложили, что прикроют скоро вашу Ульяновскую больничку. Для начала урежут до ужаса. Оставят только терапию и одну – на всё про всё – хирургию. А потом и вовсе прикроют. Вы показателям не соответствуете.

– Ага. Не соответствуем. Там, где надо бы три штатные единицы, работает один врач.

– Это на деле. А на бумаге в вашем районе народу столько,

что врачи там и вовсе не нужны. Разве что ветеринарные. Такие дела, Алёнушка.

– Ну ничего удивительного, – Соловецкая вздохнула. – Это было ожидаемо. И как скоро, источники не информировали?

– Родовспомогательную службу с гинекологией со дня на день сократят.

– М-да... А я полагала годик ещё есть. Ну, значит, пора работу подыскивать, – Алёна погрустнела. – Кассиром где-нибудь в супермаркете! Мать его так перетак, этот наш Минздрав!

– Ну, не так всё печально. Хороший акушер-гинеколог работу себе всегда найдёт! – подытожила Рита. – Да и не надо тебе работу искать! Выходи замуж за моего оболтуса. Он человек обеспеченный. Но я бы на твоём месте прежде потребовала у него, чтобы он тебя куда-то свозил отдохнуть. – Маргарита Пименовна лукаво прищурилась.

– Да я только что вернулась. С отдыха.

– А вот от отдыха отдохнуть пусть куда-то и вывезет. Не так далеко. Одно дело друг с другом ночку-другую провести, и совсем другое – хотя бы неделю под одной крышей. А если вы поедете куда-то, то что будет с бедным Мальчиком? Тот-то! Вот и привози мне его паспорта-миски-поводки-ошейники. Небось, накопил дешёвых, жадина! Мой Мальчик должен иметь всё самое лучшее! Да, теперь это мой Мальчик. Это моя собака. А вы катитесь куда-нибудь вместе. Там, гля-

дишь, она и согласится за тебя замуж выйти в конце-то концов. Или одумается, пока не поздно! Ну, детка, твоё здоровье, с днём рождения тебя, дорогая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.